

А. Синайскій

МАГОМЕТАНСТВО

ВЪ ЕГО ИСТОРІИ И ОТНОШЕНІИ

КЪ ХРИСТІАНСТВУ.

Культурно-историческій очеркъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія А. П. Лопухина, Телѣжная ул., д. № 5.
1902.

А. Синайскій.

МАГОМЕТАНСТВО

ВЪ ЕГО ИСТОРІИ И ОТНОШЕНІИ

КЪ ХРИСТІАНСТВУ.

Культурно-историческій очеркъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія А. П. Лопухина. Телѣжная ул., д. № 5.
1902.

Извлечено изъ журнала *„Странникъ“* за 1902 г.

Содержанiе.

Магометанство въ его исторіи и отношеніяхъ къ христіанству[1].

(Культурно-историческій очеркъ).

Значеніе историческаго событія опредѣляется вліяніемъ его на ходъ современныхъ и отдаленныхъ явленій, будетъ ли это вліяніе клониться въ пользу, или во вредъ человѣчества. Итакъ, вліяніе можетъ имѣть положительный, или отрицательный характеръ. Въ первомъ случаѣ вліяніе измѣряется привнесеніемъ новыхъ образовательно-нравственныхъ началъ, учрежденій и отношеній,—элементовъ, содѣйствующихъ развитію человѣчества;

---

[1] Предлагаемый очеркъ составленъ на основаніи иностранныхъ и русскихъ источниковъ и пособій, указанныхъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ.

По части изученія исламизма существуетъ довольно обширная литература, переводная, иностранная и русская. Лучшимъ руководствомъ при изученіи магометанства служитъ, кромѣ Корана, (въ старыхъ и новыхъ переводахъ), „противомусульманскій сборникъ", составленный и изданный при Казанской духовной академіи, въ видѣ отдѣльныхъ выпусковъ съ 1876 г. по 1893 г. Есть русскія спеціальныя изслѣдованія объ исламѣ, отчасти самостоятельныя, отчасти компилятивныя, написанныя въ опроверженіе исламизма. Изученію у насъ исламизма посчастливилось потому, что въ предѣлахъ нашего отечества находится многочисленное количество магометанъ (до 10 милл.); фанатизмъ и трудность обращенія магометанъ къ христіанству составляютъ отличительную черту противомусульманской миссіи.

Есть сочиненія, написанныя въ защиту и восхваленіе магометан-

во второмъ—суммою факторовъ, задерживающихъ ходъ развитія. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ вліяніе зависитъ отъ внутренняго содержанія и характера историческаго событія—это съ одной стороны; съ другой—оно зависитъ отъ внѣшнихъ, такъ или иначе сложившихся обстоятельствъ, при которыхъ совершается событіе. Внутреннее содержаніе историческаго событія можно назвать историческою силою, а внѣшнія условія—почвою, или точкою приложенія этой силы. Не въ пору явившаяся сила, хотя бы и съ глубокимъ содержаніемъ, можетъ стоять особнякомъ,

---

ства, въ опроверженіе упрековъ и нападокъ со стороны ученыхъ и публицистовъ; въ этомъ отношеніи заслуживаютъ упоминанія нижеслѣдующія двѣ брошюры: 1) Отношеніе ислама къ наукѣ и иновѣрцамъ, составленная спб. мухамеданскимъ ахуномъ (духовнымъ лицомъ, старшимъ муллою) Имамомъ М. А. Баязитовымъ и 2) Магометъ, какъ пророкъ, принадлежащая г. Девлитъ-Кильдѣеву (Спб. 1881).

Вышедшее недавно вторымъ уже изданіемъ (первое было въ 1887 г.), сочиненіе Баязитова составлено съ цѣлію защищенія исламизма отъ упрековъ и критики, и восхваленія его какъ въ историческомъ, такъ и современномъ состояніи, въ смыслѣ культурной силы, прогрессирующей и вліяющей на улучшеніе нравовъ и успѣхи наукъ. Справедливую оцѣнку страннаго сочиненія сдѣлалъ г. Е. Воронецъ еще въ 1887 г. (см. № 218 «Моск. Вѣд.» 1887 г. и брошюру: Исламъ и отношеніе къ нему русской печати). Защитительнымъ и панегирическимъ характеромъ отличается вышедшій одновременно почти съ предыдущимъ изданіемъ (въ 1881 г.) очеркъ о магометанствѣ г. Давлитъ-Кильдѣева, вызванный якобы ошибочными смутными понятіями о роли ислама и даже сущности ученія его.

Приписывая фанатизмъ въ исторіи ислама однимъ и тѣмъ же причинамъ, отъ которыхъ происходили кровопролитныя войны, инквизиціи и костры во имя распространенія христіанской религіи, въ средневѣковой и новѣйшей исторіи, г. Баязитовъ забываетъ то, что въ Евангеліи нѣтъ повелѣній о распространеніи вѣры насиліемъ въ противоположность Корану, допускающему, повелѣвающему и освящающему войну противъ невѣрныхъ (джихатъ), согласно съ образомъ дѣйствій Магомета. Въ сочувственномъ, но осторожно умѣренномъ тонѣ къ исламу и Магомету составлена біографія послѣдняго, принадлежащая нашему покойному оригинальному ученому-философу В. С. Соловьеву (Спб., 1896 г.). Интересны и мѣтки историческія сопоставленія и сближенія г. Соловьева, помогающія уясненію личности Магомета. Авторъ «Историческаго изслѣдованія о происхожденіи и характерѣ ислама» (Казань, 1899 г.), П. Остроумовъ справедливо оспариваетъ благопріятныя для исламизма мнѣнія г. Соловьева, отличающіяся невѣрнымъ одностороннимъ и даже тенденціознымъ оттѣнкомъ. Къ достоинству изслѣдованія г. П. Остроумова вообще обстоятельнаго, хотя не особенно самостоятельнаго, нужно отнести, между

внѣ надлежащаго предполагаемаго вліянія, давая мыслящему потомству предметъ для всевозможныхъ толковъ и пересудовъ.

Но если эта сила находитъ для себя годную почву, то она овладѣваетъ сознаніемъ массъ и принимается ими, какъ подходящій и сродный элементъ. Эта сила получаетъ значеніе и въ томъ случаѣ, когда содержаніе ея само по себѣ бѣдно, но среда представляетъ ей благопріятныя условія.

Эти двѣ стороны—внутреннее содержаніе и внѣшнія условія нужно имѣть въ виду для того, чтобы надлежащимъ

прочимъ, то, что авторъ внесъ въ свой трудъ много новаго и очень цѣннаго естественно-географическаго матеріала изъ сочиненій знаменитыхъ современныхъ географовъ и этнографовъ, каковы: Реклю, Гельвальдъ и др. Какъ иногда бываютъ важны и незамѣнимы естественныя явленія для объясненія фактовъ историческихъ и психологическихъ, можно видѣть изъ слѣдующаго: одна изъ частей Аравіи Геджасъ, родина Магомета, разрѣзывается горными невысокими цѣпями на нѣсколько отдѣльныхъ долинъ; гранитныя формаціи породъ вулканическаго происхожденія прерываются потоками лавы; здѣсь встрѣчаются поющія и издающія звуки горки. Это такъ называемая музыка песковъ, извѣстная и въ другихъ мѣстностяхъ аравійской пустыни. Основатель ислама какъ извѣстно изъ его біографіи, неоднократно слышалъ голоса, которымъ придавалъ сверхъестественное происхожденіе (21—22 стр.). Взгляды г. Остроумова какъ въ общемъ, такъ и въ частностяхъ совпадаютъ съ общепризнанными, установившимися; практическое значеніе за взглядами автора означеннаго изслѣдованія нужно признать въ томъ отношеніи, что, живя въ г. Ташкентѣ среди послѣдователей ислама, авторъ воочію непосредственно укрѣпился во вредномъ вліяніи магометанства на его исповѣдниковъ, слѣд. въ явное противорѣчіе и опроверженіе тѣхъ, кто по разнымъ побужденіямъ, судя по теоріи, увлекается нѣкоторыми внѣшними сторонами религіи Магомета, поставляя ее на незаслуженную высоту... Полнымъ объективнымъ безпристрастіемъ и серьезностью, соединенною съ громадной эрудиціею, отличается «Исторія ислама съ основанія до новѣйшихъ временъ» А. Мюллера (Спб., 1895—98 гг.). Особенною полнотою и глубокимъ анализомъ отличается отдѣлъ о системѣ ученія ислама (Т. I, 211—228). Нельзя не отмѣтить послѣдняго по времени (1899 г.) очерка А. Крымскаго «Мусульманство и его будущность», заключающаго въ себѣ, вмѣстѣ съ данными изъ исторіи ислама, много статистическаго матеріала изъ современнаго состоянія магометанскихъ государствъ. Подобно большинству основательныхъ изслѣдователей, г. Крымскій не вѣритъ въ жизненность и будущее процвѣтаніе исламизма, несмотря на его широкое территоріальное распространеніе, побуждающее многихъ смотрѣть на магометанина оптимистически.

образомъ понять всякій историческій фактъ, его мѣсто и значеніе въ ряду другихъ. Отсюда само собою является потребность охарактеризовать содержаніе силы, чтобы такимъ образомъ понять тѣ слѣдствія, какія вытекали изъ нея, какъ основанія—это съ одной стороны; съ другой—обрисовать самую среду, которая впервые и послѣ испытывала дѣйствія силы. Такъ какъ исламизмъ есть историческая сила и, какъ такая, имѣла и имѣетъ за собою большія послѣдствія, то это требованіе необходимо имѣть въ виду и здѣсь при сужденіи о значеніи исламизма въ исторіи. Такимъ образомъ намъ нужно разсмотрѣть: 1) въ главныхъ пунктахъ содержаніе исламизма; 2) среду его первоначальнаго распространенія и дальнѣйшаго дѣйствія и 3) слѣдствія исламизма, на основаніи которыхъ выясняется и 4) значеніе самаго исламизма.

I.

Исламизмъ занимаетъ очень видное мѣсто въ исторіи. Съ именемъ его соединяется цѣлый рядъ мыслей и представленій. Насколько эти мысли въ устахъ послѣдователей исламизма священны, настолько же онѣ интересны предъ судомъ сторонняго и безпристрастнаго наблюдателя. Интересъ этотъ возбуждается по тѣмъ переворотамъ и послѣдствіямъ, какія произвелъ исламизмъ въ мѣстѣ своего происхожденія—Аравіи и внѣ ея предѣловъ. Но чѣмъ замѣчательнѣе историческое явленіе, тѣмъ болѣе представляется трудности для выясненія его настоящаго значенія. Въ отношеніи къ исламизму эта трудность увеличивается еще тѣмъ, что исламизмъ не кончилъ своей роли въ исторіи, но продолжаетъ и по настоящее время существовать и имѣть множество поклонниковъ [1].

Если взять во вниманіе долговременное существованіе исламизма, многочисленное число его послѣдователей [2] и его завоевательный характеръ; то исламизмъ представится намъ

---

[1] Döllinger. Muhamed's Religion nach ihrer innern Entwicklung und ihrem Einflusse auf das Leben der Völker.

[2] По свѣдѣніямъ 1810 года, мусульманъ считалось 110 милліоновъ; 1827 г. и 1839 г.—120 милл., 1844 г.—96 милл.; по свѣдѣніямъ 1874 г. и 1892 г.—150 милл. По послѣднимъ свѣдѣніямъ (1899 г.), количество магометанъ достигаетъ до 300 милліоновъ.

въ преувеличенномъ видѣ, какъ инфузорія подъ микроскопомъ. Но нужно, конечно, быть слишкомъ легкомысленнымъ, чтобы удивляться тому, что отличается только давностью, что „знаменито древностію лѣтъ“. При выясненіи дѣйствительнаго положительнаго значенія должна быть иная мѣрка, иной критерій истины. На чемъ же основывается успѣхъ и долговременное существованіе исламизма? Главныя черты исламизма состоятъ въ слѣдующемъ:

Въ основаніи исламизма лежитъ ученіе о единомъ Богѣ и посланничествѣ Магомета, какъ послѣдняго и величайшаго пророка, которымъ завершилось откровеніе между Богомъ и человѣкомъ. Мысль о единобожіи не обязана своимъ происхожденіемъ собственно Магомету, какъ не принадлежитъ ему многое изъ всего того, что вошло въ составъ его ученія. Идею единобожія Магометъ могъ заимствовать отъ христіанъ или іудеевъ, съ которыми онъ постоянно сталкивался во время своихъ торговыхъ занятій и путешествій. Съ другой стороны, сами арабы, какъ потомки монотеиста Авраама, не чужды были идеи единобожія. Слѣдовательно, Магометъ только очистилъ эту идею отъ темноты и искаженія, которымъ подвергся современный Магомету туземный арабскій религіозный культъ. Съ ученіемъ о Богѣ, милующемъ, карающемъ, безусловно управляющемъ судьбою человѣка, стоитъ въ исламизмѣ въ тѣсной связи ученіе о человѣкѣ, его обязанностяхъ по отношенію къ Богу, своимъ ближнимъ, вѣрнымъ и невѣрнымъ. Обязанности къ Богу состоятъ вообще въ молитвѣ [1], постѣ, омовеніи

---

[1] Въ торжественномъ религіозномъ актѣ молитвы у мусульманъ не замѣчается особеннаго прилива искренняго чувства, хотя ритуалъ исполненъ глубочайшаго почтенія, не такъ, какъ у насъ, при обращеніи вѣрующаго къ Отцу Небесному. Содержаніе мусульманской молитвы проникнуто скорѣе ужасомъ и изумленіемъ передъ необъятнымъ величіемъ божества; богопочитаніе смѣшано со страхомъ передъ строгимъ Вседержителемъ небесъ и земли. А такъ какъ правовѣрному немыслимо приближаться къ Высочайшему съ неподходящими словами или тѣлодвиженіями, то молитва состоитъ изъ ряда на вѣки окаменѣвшихъ формулъ съ присоединеніемъ приличествующихъ обстоятельствамъ суръ (стиховъ) Корана, которыя равнымъ образомъ произносятся при совершенно опредѣленныхъ правильно чередующихся измѣненіяхъ положенія тѣла. О набожномъ пареніи души не можетъ быть рѣчи, за исключеніемъ развѣ въ нѣкоторыхъ сектахъ съ мистической окраской, да у случай-

и поклоненіи священному храму въ Меккѣ[1]. Обязанности къ ближнему-правовѣрному (исповѣднику Ислама) состоятъ въ милостынѣ и гостепріимствѣ. Исламизмъ предписываетъ воздерживаться отъ вина[2], допускаетъ многоженство. Вникая въ сущность исламизма, нельзя не замѣтить, что это ученіе представляетъ собою смѣсь трехъ элементовъ: христіанскаго, іудейскаго и арабскаго. Изъ этихъ трехъ элементовъ Магометъ выбиралъ все то, что могло сообразоваться съ взглядами его самого, и его современниковъ, что могло льстить прихоти и чувственнымъ представленіямъ о жизни настоящей и будущей. Отсюда понятно, что возвы-

---

ныхъ личностей. Во всякомъ случаѣ, учрежденная по повелѣнію Божію молитва не можетъ никоимъ образомъ быть признана обязанностью легкой или пріятной, но такъ или иначе должна быть выполнена какъ неизбѣжное дѣло, дабы постоянно вести въ порядкѣ балансъ небесной приходо-расходной книги. Въ этомъ общемъ характерѣ молитвословія впрочемъ пріятно поражаетъ истинно мужественное воззрѣніе мусульманъ, вслѣдствіе котораго всѣ частныя чувства и особыя желанія отдѣльныхъ лицъ вполнѣ стушевываются передъ задачей восхваленія божескаго величія. Правовѣрный знаетъ отлично, что вся его судьба заранѣе предопредѣлена Божьимъ всемогуществомъ. Къ чему же утруждать Высочайшаго ни къ чему неведущими просьбами и жалобами? Вотъ почему обыкновенно, частная молитва есть только выраженіе полнѣйшей преданности (по арабски: исламъ).

[1] Когда Магометъ признавалъ обязательнымъ для своей религіи посѣщеніе старинной національной святыни, понствѣ не приходило ему въ голову, что позже придется тысячамъ мусульманъ, дабы принять участіе въ мекканскихъ празднествахъ, путешествовать за сотни миль, перебираясь черезъ горы и пустыни, переплывая океаны. Той неумолимой серьезности, граничащей почти съ жестокостью, съ какою мусульманинъ глядитъ на свои религіозныя обязанности, едва-ли во всемъ мірѣ можно подыскать что-либо равное. Каждый изъ этихъ милліоновъ людей, хотя разъ въ жизни, обязанъ посѣтить Мекку, все равно, гдѣ бы ни жилъ—на Явѣ, въ степяхъ средней Азіи, либо на берегу Атлантическаго океана, дабы свято выполнить завѣтъ пророка. Даже голые бѣдняки и тѣ бредутъ большими толпами вплоть до святаго града. Дорогой перебиваются подаяніемъ, а гдѣ можно—поденщиной или другой тяжелой работой, и такъ продолжается до окончанія святыхъ дней а затѣмъ, пользуясь тѣми же самыми средствами пропитанія, возвращаются домой.

[2] Вмѣстѣ съ виномъ, Коранъ запрещаетъ азартныя игры, но, слѣдуя дальнѣйшимъ указаніямъ пророка, запрещеніе игръ и музыки было впослѣдствіи отмѣнено и одни лишь набожные люди придерживаются строго первоначальнаго предписанія.

шенныя христіанскія мысли стоятъ на ряду съ грубыми представленіями, или совсѣмъ искажаются въ угоду прихоти и причудливой фантазіи. Вслѣдствіе этого являются противорѣчія (которыхъ насчитывается до 250) въ исламизмѣ и поводъ ко всевозможнымъ предположеніямъ и толкованіямъ изреченій пророка.

Будучи смѣшеніемъ язычества, іудейства и христіанства, магометанство, очищая первое отъ грубостей, идолослуженія и мѣстныхъ наслоеній и суевѣрій, уступаетъ во всемъ второму и не можетъ быть сравниваемо по достоинству съ христіанствомъ; вообще религіозныя представленія Магомета—не высокаго достоинства; простыя вначалѣ, они осложнились и даже исказились впослѣдствіи, соотвѣтственно съ историческими обстоятельствами и личными взглядами поклонниковъ арабскаго пророка. Возвышенное и широкое ветхозавѣтное понятіе пророка не приложимо къ Магомету, въ отношеніи къ которому оно имѣетъ узкій непривлекательный смыслъ, съ внѣшней и внутренней стороны, тогда какъ у евреевъ былъ цѣлый рядъ пророковъ, составлявшихъ между собою преемство и систему, а у арабовъ Магометъ былъ первымъ и послѣднимъ пророкомъ, не могущимъ равняться ни одному изъ малыхъ іудейскихъ пророковъ по своей нравственной неустойчивости и чувственности. По ученію Магомета, Богъ посылалъ каждому народу, въ извѣстное время, пророковъ, которымъ, чрезъ посредство ангела Гавріила, обѣщалъ свою волю и которыхъ вдохновлялъ откровеніями, дабы отвратить людей отъ всего злого и послѣдствій всеобщаго грѣхопаденія, ученіе о которомъ Магометъ заимствовалъ у евреевъ. Откровеніе это сохранилось въ Священ. Писаніи (торы), т. е. пятокнижіи, (псалтири и Евангеліи). Предпослѣднимъ пророкомъ былъ Іисусъ; онъ и его предшественники предвѣщали появленіе Магомета, а послѣ него никакого другого пророка болѣе не явится. Посланъ Магометъ собственно къ арабамъ, но съ тѣмъ, чтобы вообще возстановить повсюду испорченную христіанами чистую древнюю вѣру Авраама, дабы исламъ распространился по всему міру. Магометъ самъ по себѣ обыкновенный человѣкъ, какъ и всѣ другіе, какъ и Іисусъ, но онъ носитель послѣдняго и окончательнаго откровенія, которое Богъ преподалъ чрезъ посредство его въ Коранѣ

Отрицая въ Іисусѣ Христѣ божество, достоинство и призваніе Искупителя, Магометъ запрещалъ хулить Его и Моисея подъ угрозой тяжкаго наказанія [1].

Своему высокому понятію о себѣ Магометъ измѣнялъ и противорѣчилъ до уровня съ людьми заурядными. Но самое безотрадное представляетъ собой неукротимая безпощадность, съ какою часто выступалъ онъ для уничтоженія враговъ своихъ; это была древняя черта арабской суровости. Болѣе же всего возмущаетъ сторонняго наблюдателя его коварство и систематическая лживость, которыя все сильнѣе и сильнѣе стали проявляться со времени переселенія его въ Медину. И въ Меккѣ, даже нѣсколько позднѣе, осыпаемый насмѣшками и уликами противниковъ, пророкъ пробовалъ иногда выставлять своеобразные аргументы и пользоваться довольно сомнительными увертками, чтобы какъ-нибудь да выпутаться изъ сѣти противорѣчій, опутывавшихъ его ученіе, что болѣе или менѣе объяснялось отсутствіемъ навыка логическаго мышленія. Но въ Мединѣ, сознательная лживость и вѣроломство становятся вскорѣ какъ бы внутреннимъ убѣжденіемъ. Положимъ, это тоже наслѣдственныя народныя черты, но въ соединеніи съ оффиціальнымъ благочестіемъ, вовсе не требовавшимъ лицемѣрія, становятся онѣ для насъ невыразимо противными. Въ его рукахъ съ тѣхъ поръ религія стала орудіемъ политики, и не одной только церковной. Вначалѣ можетъ быть слегка, затѣмъ, на половину, а наконецъ совершенно сознательно пользуется пророкъ ложью для того, чтобы провести во что бы то ни стало истину.

---

[1] Правда, на основаніи Корана, Магометъ относился къ Іисусу Христу съ большимъ уваженіемъ и даже благоговѣніемъ; такъ, въ одной изъ главъ Корана читается: „послѣ пророковъ мы послали (въ міръ, къ людямъ) Марію и Іисуса; мы дали ему евангеліе, которое есть свѣточъ вѣры; Марія и сынъ ея были дивомъ вселенной. Іисусъ, Сынъ Маріи, есть Посланникъ Всевышняго и слово Его. Онъ дыханіе Божіе“. Но сказаннаго и подобнаго (не много, впрочемъ содержащагося въ Коранѣ) весьма мало для составленія истиннаго понятія о Христѣ; съ другой стороны, изъ послѣдующей исторіи какъ лично Магомета, такъ его поклонниковъ не только не видно достаточнаго уваженія и отношенія къ Основателю христіанской вѣры и ученію Евангелія, но и усматривается наглядно враждебное отношеніе къ христіанамъ, въ противорѣчіе приведеннымъ изреченіямъ Корана.

Но не смотря на смѣсь своего ученія и на внутреннее противорѣчіе, Магометъ выставлялъ исламизмъ единственною лучшею религіею, предъ которою другія—ничто. Мысль эта проникаетъ все ученіе исламизма, дѣйствія Магомета и дѣйствія его ближайшихъ и отдаленныхъ послѣдователей. Чтобы увѣрить въ этомъ другихъ, Магометъ поступалъ такъ, какъ поступали подобные ему мечтатели. Для завѣренія истинности своего ученія Магометъ приписывалъ его происхожденію и внушенію свыше,—средство самое вѣрное и надежное, удовлетворительное для неразвитаго сознанія. „Откровеніе Корана—говоритъ Магометъ—происходитъ при посредствѣ пророка" [1]. Потрясаемый однажды отъ внутренняго возбужденія какъ бы лихорадочною дрожью, спѣшитъ онъ домой. „Заверните меня", взываетъ онъ къ своимъ! Совершилось! И, охваченному сильнымъ нервнымъ потрясеніемъ, ему чудится, что онъ слышитъ слѣдующія слова (Сура 74,1): О ты, закутанный!—встань, зову тебя, истинно такъ!—Господа своего, да славь его!—Одежды твои, да очисть ихъ.—Отъ нечистоты, да бѣги.—Не будь добръ ради корыстныхъ цѣлей. И Господа твоего чти неизмѣнно [2].—Съ этихъ самыхъ поръ, передаетъ традиція, шли откровенія, одно за другимъ, постоянно и такъ было именно потому, что отнынѣ онъ былъ увѣренъ въ своемъ дѣлѣ и не ждалъ болѣе дальнѣйшихъ сверхестественныхъ явленій; онъ принималъ, безъ дальнихъ околичностей, за божественную истину всѣ вырабатывающіяся въ его головѣ представленія, появлявшіяся въ состояніи непрестаннаго внутренняго возбужденія. Съ мыслію о превосходствѣ своей религіи естественно соединяется мысль о недостоинствѣ другихъ религій. „Религія Божія—говоритъ Коранъ—есть исламъ" [3]. Человѣку свойственно желать, чтобы другой раздѣлялъ съ нимъ его убѣжденія и не противорѣчилъ ему. Если эта склонность замѣтна между образованными людьми, то тѣмъ

---

[1] Коранъ 47, I.

[2] Очищеніе одеждъ и избѣганіе нечистотъ—понятно, надо понимать какъ призваніе избѣгать идолопоклонства. «Не будь добръ ради корыстныхъ цѣлей», значитъ не одаряй съ намѣреніемъ получить обратно еще болѣе. Заповѣдь, увы, нынѣшними жителями Востока совершенно забытая.

[3] Коранъ 3, 17.

болѣе она проявляется въ людяхъ, чуждыхъ всякаго образованія. Отсюда нетерпимость является неизбѣжнымъ слѣдствіемъ. Сильная въ другихъ религіяхъ, эта религіозная нетерпимость въ исламизмѣ доходитъ до крайности, принявъ религіозную санкцію. Тогда какъ въ другихъ религіяхъ нетерпимость имѣла отрицательное значеніе, въ религіи Магомета она получила живой активный характеръ. Такимъ образомъ, съ сознаніемъ превосходства своей религіи предъ другими, исламъ соединилъ и освятилъ мысль объ увеличеніи числа (своихъ) послѣдователей. Распространеніе исламизма и утвержденіе его между людьми оставляетъ самую существенную, необходимую обязанность магометанъ,—обязанность, которая пріятна для Бога болѣе, чѣмъ какая-либо другая. „О, вѣрующіе! говоритъ воодушевленный Магометъ: если вы поможете Богу въ войнѣ противъ безумныхъ, то Онъ также поможетъ вамъ и укрѣпитъ стопы ваши“ [1]. Итакъ характеръ распространенія исламизма является совершено противоположнымъ христіанству, которое распространяется посредствомъ проповѣди и убѣжденія.

Подобно тому, какъ у христіанъ ученіе заключается главнымъ образомъ въ Евангеліи, у послѣдователей Магомета оно изложено въ священной книгѣ Корана. По взгляду Магомета, первоначальному и послѣдующему, перешедшему къ его поклонникамъ, Коранъ самъ по себѣ—обсолютное откровеніе, исключительно имѣющее значеніе божескаго закона, пунктуальное исполненіе котораго составляетъ высшую обязанность каждаго правовѣрнаго. Естественнымъ слѣдствіемъ усиленія понятія о всемогуществѣ Божіемъ относительно предопредѣленія всего сущаго явилось стремленіе признать постепенно Коранъ нерукотвореннымъ, предвѣки существовавшимъ у Бога; между тѣмъ какъ вольномыслящіе утверждали, что божеское слово, также какъ и все, сотворено. А такъ какъ во всякомъ случаѣ, все ученіе въ совокупности и предписаніи Корана составляютъ прямое проявленія откровенія, то и тѣ положенія, которыя относятся, собственно къ гражданской или государственной жизни, признаются неотъемлемыми частями религіознаго закона и, какъ таковыя, неизмѣнны.

---

[1] Коранъ 47, 8 ст.

Такимъ образомъ исламизмъ, какъ религія божественная, долженъ быть принятъ арабами, а обязанность распространенія его всюду должна соединить арабовъ въ одинъ народъ. Такова мысль исламизма,—и она нашла для себя годную почву.

II.

Въ исторіи встрѣчаются такія личности, которыя служатъ выраженіемъ своего народа, его стремленій ожиданій и идеаловъ. Ходячія мнѣнія народа глубоко западаютъ въ ихъ впечатлительную душу и воспламеняютъ въ нихъ ту экзальтацію и энергію воли, съ которыми онѣ не отступаютъ ни предъ какими препятствіями для своихъ цѣлей.

Результатомъ возбужденности такихъ личностей бываетъ одно изъ двухъ: или торжество, или паденіе. Къ такимъ-то личностямъ можно присоединить и Магомета. Во время своихъ путешествій онъ, какъ человѣкъ наблюдательный и проницательный, понялъ мысль и настроеніе народа и воспользовался этимъ для достиженія національныхъ и своихъ личныхъ цѣлей [1].

Все благопріятствовало тому, чтобы исламизмъ былъ принятъ арабами. Легкость, съ которою арабы принимали ученіе Магомета, объясняется тѣмъ, что исламизмъ носитъ характеръ чувственной простой религіи, соотвѣтственно тому, какъ чувственна и проста была самая жизнь арабовъ, большинство которыхъ состояло изъ сельскихъ жителей и кочевниковъ—бедуиновъ. Принятіе исламизма не требовало отъ араба жертвъ и не измѣняло его главныхъ укоренившихся традицій и привычекъ. Воздержаніе, предписываемое исламизмомъ, было обыкновенною чертою простой, близкой къ природѣ, жизни арабовъ Многоженство, существовавшее у арабовъ съ незапамятныхъ временъ, допускалось и новою религіею. Ихъ прежній культъ не только не усложнился, но даже упростился запрещеніемъ приносить жертвы идоламъ и уничтоженіемъ послѣднихъ. Кааба, съ именемъ которой соединялось много священныхъ сказочныхъ воспомина-

---

[1] Dölling. S. 4.

нiй, ни мало не теряла своего значенія въ ученіи пророка. Изреченія вѣры были кратки и понятны; не требовалось никакого таинства, не было нужды въ покаяніи. Страсти не должны быть заглушены. Всѣ стремленія арабовъ были сосредоточены на одномъ предметѣ—это распространеніе ислама. Запрещеніе вина не было тяжелымъ тамъ, гдѣ, по словамъ Диллингера, не росло винограда. Періодическій постъ не трудно было соблюдать потому, что скудость почвы производила лишенія и голодъ, слѣдовательно самый климатъ побуждалъ къ умѣренности. Требованіе милостыни легко могло быть выполняемо награбленною добычею во время предстоявшихъ войнъ съ невѣрными. Если арабъ долженъ былъ что-либо потерять во время войнъ, то онъ утѣшался тѣмъ, что въ раю получитъ вознагражденіе за все [1]. Особенно новая религія привлекала арабовъ тѣмъ, что требовала отъ послѣдователей силою оружія распространять новое ученіе. Это совершенно было согласно съ духомъ воинственныхъ арабовъ. Теперь для араба—исповѣдника новой религіи представлялась прекрасная перспектива въ дѣлѣ распространенія и утвержденія ислама, и это очень естественно. Могъ ли грубый арабъ не обольщаться ожидавшею его впереди военною славою, этою обольстительною приманкою многимъ поверхностныхъ людей? Надежда на добычу была однимъ изъ самыхъ сильныхъ побужденій для принятія ислама.

„Голыя арабскія пустыни, доставлявшія очень скудное пропитаніе туземцамъ, во время войнъ могли быть замѣнены богатствомъ и роскошными территоріями Сиріи, Палестины, Персіи и Египта“ [2], тѣми владѣніями, о которыхъ между арабами ходили самые преувеличенные, едва не баснословные разсказы.

Въ числѣ причинъ, способствовавшихъ къ скорому утвержденію исламизма между арабами, нельзя умолчать о томъ, что появленіе и заявленіе Магомета въ качествѣ религіознаго реформатора и пророка совпадало съ тѣмъ общимъ настроеніемъ умовъ въ Аравіи, когда тамъ ожидали про-

---

[1] Dölling. 4—5.

[2] Dölling. 6.

рока [1]. Первоначальный успѣхъ, который, по вѣрному замѣчанію Дрепера [2], часто служитъ критеріемъ истины, увѣрилъ арабовъ въ дѣйствительности посланничества Магомета. Такъ какъ Магометъ былъ выраженіемъ національнаго духа, то призваніе его свыше было призваніемъ всего народа, къ которому Магометъ принадлежалъ, какъ членъ. Все это, вмѣстѣ взятое, имѣло тотъ результатъ, что изламизмъ былъ принятъ арабами съ воодушевленіемъ. Проникнутые духомъ исламизма, арабы вступили подъ знамена пророка, готовые идти съ нимъ на жизнь и смерть.

Своимъ воодушевленіемъ, краснорѣчіемъ, женственнымъ вкрадчивымъ характеромъ, вообще всею своею личностью Магометъ производилъ неотразимое нравственное вліяніе на своихъ соотечественниковъ. Недостатки пророка пополняли его сподвижники. Это движеніе арабовъ подъ вліяніемъ исламизма и на первый разъ подъ начальствомъ самого пророка, которому арабы безусловно вѣрили, имѣло большое значеніе для арабовъ и другихъ народовъ.

III.

1. До исламизма арабы, какъ народъ кочевой, жили отдѣльными семьями съ самыми патріархальными обычаями. Семейства управлялись старшими членами, или родоначальниками. Послѣдніе, въ управленіи семьею и рѣшеніи возникавшихъ недоразумѣній между членами семьи, руководились обычаями, или личнымъ произволомъ. Такъ было въ селахъ и городахъ. Жители селъ и городовъ враждебно относились между собою. Обитатели пустынь или, какъ ихъ чаще называютъ, бедуины, безнаказанно грабили то села, то города. Защищаясь отъ набѣговъ бедуиновъ, каждая семья заботилась исключительно о своихъ интересахъ. При такомъ обособленномъ враждебномъ отношеніи между собою у арабовъ не могло развиться ни гражданственности, ни безопасной торговли, тѣмъ болѣе образованности. Слѣд. безъ этихъ трехъ факторовъ у арабовъ не было общаго національнаго чувства, не было народнаго самосознанія. Отсут-

---

[1] Ibid. 4.

[2] Истор. умств. развит. Европ. Т. I, 271.

ствіе этого единства препятствовало арабамъ заявить себя исторически, проявить свои силы. Эти силы были свѣжи, не надломлены, благодаря той свободѣ, которою арабы, какъ дѣти природы, пользовались съ незапамятныхъ временъ,—пользовались тою свободою, до которой пока не касается человѣческій деспотизмъ, всегда искажавшій нормальныя отношенія людей. Такъ жили арабы до появленія среди нихъ исламизма. Новая религія произвела между арабами совершенный переворотъ въ національномъ, религіозномъ, нравственномъ и политическомъ отношеніи. Она вдохнула въ нихъ идею національнаго единства. Съ принятіемъ новой религіи, такъ гармонировавшей съ арабскими воззрѣніями и внѣшнимъ ихъ положеніемъ [1], арабы почувствовали себя какъ бы однимъ семействомъ, интересы и цѣли котораго должны быть соединены самою живою и тѣсною связью. Враждебныя отношенія фамилій, селъ и городовъ были забыты подъ вліяніемъ общей руководящей мысли, что арабы, какъ потомки знаменитыхъ родоначальниковъ, призваны на великое служеніе—распространеніе ислама, какъ религіи Божіей [2], единой и истинной. Религіозно-національному единству арабовъ соотвѣтствовало единство гражданское. Будучи дано Магометомъ, это гражданское устройство находилось въ самой тѣсной и непосредственной связи съ религіознымъ. Воплощеніемъ національнаго настроенія, представителемъ свѣтской и духовной власти былъ Магометъ, которому Аравія обязана своимъ объединеніемъ [3]. Тѣмъ простымъ житейскимъ отношеніемъ, которыя образовались подъ вліяніемъ климата и мѣстныхъ условій, Магометъ далъ новое направленіе. Придавши этимъ новымъ отношеніямъ божественный характеръ, Магометъ тѣмъ самымъ сообщилъ имъ неподвижность и стойкость, какъ фундаментъ для будущаго развитія. Въ силу этого божественнаго авторитета выходило, что организованное Магометомъ общество должно было слѣдовать по однажды навсегда опредѣленнымъ рамкамъ [4]. Новому устройству подчинилась вся Аравія, какъ признавшая Магомета про-

---

[1] Dölling. S. 6.
[2] Коранъ 3, 17.
[3] Dölling. 7.
[4] Ibid. 7.

рокомъ, законодателемъ и правителемъ. Такимъ образомъ принятіе исламизма содѣйствовало объединенію арабовъ въ одинъ народъ. При такомъ объединеніи могла развиться между арабами гражданственность, систематическая торговля и чисто-духовные интересы. Но этотъ переворотъ въ жизни арабовъ не ограничился предѣлами Аравіи. По самому духу ученія [1], исламизмъ долженъ распространяться мечомъ [2] внѣ Аравіи, дабы вытѣснить остальныя религіи, какъ ложныя. Насколько Магометъ успѣлъ въ Аравіи, настолько успѣли въ томъ же самомъ внѣ Аравіи преемники пророка, выступившіе самостоятельно послѣ его смерти (632 г.).

2. Успѣхи исламизма въ Сиріи, Персіи, Египтѣ, восточной Африкѣ и др. слишкомъ извѣстны, чтобы ихъ повторять. Гдѣ бы не утверждался исламизмъ, принятіе его совершалось не въ силу убѣжденія, но въ силу меча.

Часто повторяемое правило исламизма: „кровь невѣрующихъ и противниковъ ученія пророка есть самая лучшая жертва Богу" — принесло свой плодъ и выполнялось съ удивительно невѣроятною жестокостью [3]. Послѣ побѣды обыкновенно убивали тысячу плѣнныхъ; убійство это совершалось не подъ вліяніемъ страстнаго увлеченія, но съ животнымъ хладнокровіемъ. Число жертвъ увеличилось потому, что жены и дѣти считались законною собственностью побѣдителей; поэтому, поступить съ плѣнными можно было какъ угодно. Большее число плѣнныхъ убивалось изъ желанія болѣе угодить Богу—Аллаху и его пророку. Чѣмъ далѣе успѣвали арабы въ завоеваніи и утвержденіи исламизма, тѣмъ сильнѣе возбуждался фанатизмъ магометанъ. Насколько успѣхи арабовъ зависѣли отъ религіознаго воодушевленія и воинственнаго духа, настолько же эти успѣхи обусловливались слабостью тогдашнихъ государствъ и христіанскихъ обществъ и незавиднымъ положеніемъ жителей, притѣсняемыхъ деспотизмомъ правителей. „Недовольство коптовъ, древнихъ обитателей Каира, угнѣтаемыхъ православными, приверженность первыхъ къ мозанофизит-

---

[1] Ibid. 15.

[2] Коранъ 47, 4.

[3] Dölling. 12.

ству, способствовало, по словамъ Вебера, успѣхамъ исламизма“ [1]. Персидское царство было раздираемо въ это время смутами и близко было къ паденію, когда въ первый разъ подверглось нападенію аравитянъ; оно покорилось, не смотря на мужественное сопротивленіе. И Персія не только сдѣлалась арабскою провинціей, но и приняла также исламъ [2]. При Абу-Бекрѣ (630 г.), Омарѣ (634—644), Османѣ (650), Али (656) магометане сдѣлали много завоеваній въ Азіи и Африкѣ. Въ 698 г. полководецъ Муза прошелъ побѣдителемъ отъ Чермнаго моря до Атлантическаго океана. 711 г. Тарикъ завоевалъ Испанію [3], благодаря тамошнимъ смутамъ [4]. На пути завоеваній магометане ничего не щадили: ни людей, ни памятниковъ искусства, ни библіотекъ. По страсти къ разрушенію магометане напоминали собою вандаловъ и гунновъ; все мѣстное, не магометанское арабы уничтожали [5]. Благодаря религіозному фанатизму и благопріятнымъ обстоятельствамъ, исламизмъ прошелъ всесокрушающимъ потокомъ по Азіи и Африкѣ, вытѣсняя собою христіанство [6]. Въ непродолжительное время востокъ соединился подъ знамена исламизма. Подъ вліяніемъ его начала развиваться арабская гражданственность. У Византіи, съ которою арабы сталкивались, послѣдніе заимствовали административное искусство и римско-греческую цивилизацію [7]. Воспріимчивые арабы сблизились съ науками, искусствами, ученостью и поэзіей древнихъ и тогдашняго ученаго міра [8]. Такъ успѣшно заявилъ себя исламизмъ на первыхъ порахъ своего существованія и развитія. Чѣмъ долѣе онъ продолжалъ существовать, тѣмъ болѣе онъ усиливался, распространяясь между народами востока, которыхъ привлекаетъ исламизмъ своею чувственною стороною. Жертвою исламизма сдѣлалась Византійская Имперія, которая издавна была

---

[1] Всемірн. истор. Вебера II т. 88 стр.
[2] Всемірн. истор. Лоренц. II ч. 307.
[3] Истор. культур. Кольба, II т. 114.
[4] Всемір. истор. Лоренц. II т. 320—326.
[5] Dölling. 6.
[6] Всемір. истор. Шлоссера т. V, 89 стр.
[7] Ibid. 93.
[8] Ibid. 108.

предметомъ стремленій и фанатизма магометанъ (завоеваніе Византіи совершилось въ половинѣ XV в.).

Не мало причинили Россіи зла фанатичные татары—послѣдователи магометанства во время долговременнаго господства въ нашемъ отечествѣ въ XII—XVI ст.; но еще большему злополучію и разрушенію русскіе не подверглись по причинѣ недальновидности и отсутствія единодушія монгольскихъ завоевателей.

Сила обаянія исламизма дѣйствуетъ и въ настоящее время. По статистическимъ даннымъ, исламизмъ охватилъ собою почти всю Африку, занялъ половину Азіи, и теперь постоянно подвигается на востокъ. Въ Индіи исламизмъ уже давно составляетъ главный господствующій элементъ. Если исламизмъ не успѣваетъ въ Россіи, то онъ вознаграждаетъ себя въ Китаѣ. Въ юго-западной Монголіи и Манжуріи исламизмъ уже раскинулъ свои мечети [1].

По достовѣрнѣйшимъ послѣднимъ извѣстіямъ, во многихъ странахъ исламизмъ дѣлаетъ большіе успѣхи въ дѣлѣ распространенія. Такъ, въ Китаѣ число мусульманъ достигаетъ ужъ двадцати милліоновъ и продолжаетъ увеличиваться, больше всего путемъ примѣра, а не спеціальной проповѣди; есть опасеніе, какъ бы исламъ со временемъ не вытѣснилъ изъ Китая религіи Будды. Быть можетъ, еще поразительнѣе должно показаться вліяніе ислама въ Индіи: тамъ правительство—христіанское, а главнѣйшая индійская религія—браманизмъ—крайне враждебно настраиваетъ народъ противъ ислама,—тѣмъ не менѣе мусульмане составляютъ уже $^1/_6$ населенія. Ведется тамъ пропаганда, пропаганда письменная и устная; существуютъ странствующіе проповѣдники и дѣйствуютъ настолько успѣшно, что, напр., лишь одинъ Хаджи-Мохаммедъ въ Пенджабѣ привлекъ къ исламу въ 1865 г. до 200,000 индійцевъ [2]; индійскій исламъ посягаетъ даже на христіанъ, и, дѣйствительно, попадаются въ Индіи христіане-ренегаты. Извѣстный знатокъ востока и изслѣдователь ислама, А. Кремеръ, считаетъ

---

[1] Р. Вѣстникъ 1872 г. май (Двѣ китайскія записки). По Кольбу, магометанъ считается отъ 80—100 мил. въ самыхъ лучшихъ странахъ Азіи и по всей Африкѣ. Ист. Культ. II т. 114.

[2] Сообщено въ мѣстной газетѣ «Абхари алемъ» 1865.

неизбѣжною вещью, чтобы политеизмъ уступалъ исламскому монотеизму; по его мнѣнію, нѣкогда вся Индія сдѣлается мусульманскою, а другіе предвѣщаютъ Индіи роль будущей руководительницы исламскаго міра (въ случаѣ паденія Турціи). Въ Нидерландской Индіи число мусульманъ также ростетъ: голландцы, утвердившись въ XVIII вѣкѣ въ индійскомъ архипелагѣ, нашли тамъ мусульманъ мало, а къ настоящему времени Ява обратилась въ мусульманство почти вся, Суматра—въ большей части, Борнео и Целебесъ—на половину. Пропаганда ведется незамѣтно: голландскими чиновниками, проѣзжими торговцами и, въ особенности, святошами-странниками, которые лѣчатъ больныхъ молитвами и заклинаніями, торгуютъ талисманами и читаютъ молитвы надъ покойниками. Самую благопріятную почву исламъ находитъ теперь въ центральной Африкѣ, гдѣ, по выраженію одного пастора, онъ распространяется „поистинѣ съ ужасающею быстротой": нерѣдко бываетъ, что отдѣльные, одиночные магометане, прибывшіе къ африканскимъ племенамъ для торговли, подчиняютъ скоро вліянію своему цѣлые округа и побуждаютъ къ принятію ислама все ихъ населеніе". Въ Африкѣ пропаганда ислама среди негровъ идетъ съ двухъ сторонъ; и съ запада, и съ востока. На западѣ Атлантическое побережье, отъ Сіерра-Леоне (куда исламъ проникъ лѣтъ сто назадъ) до португальскаго Мозамбика, стало сплошь мусульманскимъ; оттуда мусульманство съ колоссальнымъ успѣхомъ проникло и продолжаетъ проникать дальше въ глубь страны, въ бассейнъ Нигера, въ экваторіальную область; прежде центромъ чернаго мусульманства было Тимбукту,—теперь онъ передвинулся еще болѣе въ глубь страны—въ Куку; здѣсь миссіонеры—не спеціалисты-проповѣдники (какъ у христіанъ), а торговцы, и пропаганда идетъ совсѣмъ незамѣтно, сама собою, безъ насильственнаго принужденія. Напротивъ, съ востока Африки, въ глубь на западъ мусульманство распространяется и военнымъ теченіемъ,—именно изъ Судана, гдѣ недавно, лѣтъ 15 назадъ, основалось воинственное и фанатическое государство Махдія. Справедливость требуетъ, однако, сказать, что внѣшніе успѣхи исламизма не соотвѣтствуютъ внутреннему достоинству и улучшенію его исповѣдниковъ.

Изъ того, что сказано объ исламизмѣ, слѣдуетъ, что

онъ съ успѣхомъ распространялся съ самаго начала своего появленія и до настоящаго времени. При такомъ долговременномъ существованіи исламизмъ, какъ историческая сила, безъ сомнѣнія имѣлъ вліяніе на ходъ исторіи. Въ своемъ мѣстѣ мы сказали, что вліяніе можетъ быть двоякаго рода: оно можетъ содѣйствовать развитію человѣчества, можетъ, съ другой стороны, и препятствовать этому развитію. Но такъ какъ въ исторіи зло мѣшается съ добромъ, такъ какъ нѣтъ худа безъ добра, и нѣтъ добра безъ худа, то ясно, что видѣть въ исламизмѣ исключительное зло—было бы большою ошибкою. Часто случается, что вредное явленіе вызываетъ противъ себя такую реакцію, добрые результаты которой излечиваютъ и покрываютъ возникшее зло [1]. Насколько 1) исламизмъ препятствовалъ развитію, насколько 2) онъ косвеннымъ образомъ имѣетъ значеніе въ исторіи, покажутъ слѣдующія соображенія, какъ выводы изъ фактовъ всемірной исторіи.

IV.

Внимая въ смыслъ ученія Магомета, его духъ и направленіе, нельзя не замѣтить, что въ основѣ исламизма лежитъ, какъ мы отчасти замѣтили, грандіозная идея. Идея эта — объединеніе человѣчества въ исламѣ. Если эта идея не совсѣмъ ясна у Магомета, за то она съ очевидностью просвѣчиваетъ въ духѣ и дѣйствіяхъ его непосредственныхъ преемниковъ. Мы знаемъ, какія нравственныя начала должны, по исламизму, склонить людей во-едино; равнымъ образомъ знаемъ и то, какія исламизмъ дозволилъ и употреблялъ средства для достиженія своей идеи. Идея эта, сама по себѣ возвышенная и благородная, конечно, неосуществима, какъ идеалъ, къ которому могутъ только стремиться нѣкоторые. Соотвѣтственно этой идеѣ мы вправѣ ожидать отъ исламизма чего-либо такого, что ручалось бы за существованіе ея въ принципѣ, что дѣйствительно гармонировало бы съ общечеловѣческимъ духомъ и нормою, что исключало бы выраженіе данной эпохи и мѣста, слѣд. односторонности. Напрасныя ожиданія! Въ самомъ дѣлѣ, что даетъ исламизмъ новаго?

---

[1] Бокль. Истор. цивилиз. въ Англіи. I, 192.

Новаго отъ него нельзя ожидать уже потому, что онъ не самостоятеленъ. Этого мало: исламизмъ не представляетъ собою послѣдовательнаго эклектизма. Заимствованныя идеи получили въ исламизмѣ ложное направленіе, льстящее прихоти и самолюбію, — направленіе, сообразное съ мѣстными національными условіями. Да и могъ ли возвыситься до общечеловѣческихъ началъ нравственности чувственный, сынъ своего времени, Магометъ, необразованный, болѣзненный мечтатель, часто прибѣгавшій къ хитрости и обману?.. Какъ бы то ни было, обратимъ вниманіе на то, прочно ли зданіе исламизма, зданіе, построенное на quasi—божественномъ фундаментѣ? И можетъ ли оно сблизить людей между собою и упрочить благосостояніе общества?

Если что сближаетъ людей и обезпечиваетъ ихъ счастіе, такъ это нравственно-общественныя отношенія и обязанности. Нравственныя отношенія начинаются съ семьи, какъ условія благосостоянія и существованія общества. Слѣд. на первомъ мѣстѣ стоитъ взаимная связь половъ, связь между мужчиною и женщиною. Спрашивается: даетъ ли исламизмъ ручательство для обезпеченія и прочности этой семейной связи? Разсматривая съ этой стороны исламизмъ, мы встрѣчаемся здѣсь съ вредными его постановленіями, имѣвшими самое гибельное вліяніе на семейныя и общественныя отношенія. Безъ преувеличенія можно сказать, что, если гдѣ оффиціально поругано и унижено достоинство женщины, то это въ исламизмѣ. Дозволивши юридически полигамію, исламизмъ допустилъ неизбѣжно рабство женщинъ. Въ основѣ отношеній между мужчиной и женщиной лежитъ та азіатская убивающая мысль, что женщина во всемъ стоитъ ниже мужчины, что она, такъ сказать, составляетъ нижайшую ступень въ ряду твореній. Назначеніе ея состоитъ въ продолженіи рода и удовлетвореніи чувственныхъ потребностей мужчинъ [1]. При такомъ взглядѣ на отношенія половъ не можетъ быть и рѣчи о самостоятельности и личномъ достоинствѣ женщины. Мужчинѣ, поэтому, представлялось право посягать на свободу слабаго, униженнаго пола. „Магометъ разрѣшилъ мужьямъ бить своихъ женъ; всякій мужъ вправѣ наказывать свою

[1] Dölling. 20—22.

жену по своему произволу и столько, сколько пожелаетъ“ [1]. Невѣрность жены влекла за собою смертную казнь, или другое какое-либо тяжелое наказаніе [2]. Идея супружества, какъ священнаго союза и нравственнаго единенія личностей, чужда исламу. Въ этомъ отношеніи исламизмъ нисколько не выше язычества. Женщина-магометанка не есть постоянная спутница мужа: она заботится о немъ изъ-за страха, а не привязанности и любви къ мужу. Послѣдній есть повелитель, въ рукахъ котораго вся судьба женщины [3]. При такомъ деспотическомъ отношеніи мужа къ женѣ семейный союзъ, какъ фундаментъ общества, не могъ быть прочнымъ. Это доказывается семейными раздорами, распущенностію мужчинъ [4] и всѣми недостатками, неизбѣжно вытекающими изъ полигаміи, которая уже давно осуждена христіанствомъ, наукою и простымъ здравымъ смысломъ „Если бы, говоритъ Мёлеръ, въ чистой природѣ мужа была положительная потребность имѣть (zu besitzen) многихъ женъ, то это свойство мужа (Einrigtung des mannes) должно было бы гармонировать съ женскою организаціею, т. е. жены изъ-за любви къ одному мужу были бы нравственно довольны, раздѣляя радости семейной жизни. Но опытъ говоритъ намъ противное: ревность между женами всегда отравляла ихъ жизнь [5], отъ чего не свободенъ былъ и гаремъ Магомета, старавшагося упрочить счастье семьи [6].

Основанная на магометанскихъ началахъ семейная жизнь, сама по себѣ непрочная, еще болѣе подрывается легко допускаемою расторжимостью браковъ. Расторжимость браковъ, говоритъ Деллингеръ, не ограничивается никакими юридическими формами, — для этого достаточно одного слова, чтобы разорвать супружескія связи. Поэтому расторжимость браковъ составляетъ обычное явленіе между исповѣдниками ислама. Если Сенека замѣчаетъ о женщинахъ своего времени, что онѣ считаютъ годы не по консуламъ, а

---

[1] Гаремъ и невольнич. Османъ-Бея. «От. Зап.» 1874 г. февраль 338 стр.

[2] Коранъ, I, 101.

[3] Dölling. S. 21.

[4] Ibid. 29.

[5] Dölling. 30.

[6] Dr. S. A. Möler. Schriften.

по мужьямъ, то тоже самое можно сказать и о магометанахъ; однородность явленій сглаживаетъ анахронизмъ исторіи.

Основатель ислама первый ввелъ для женщинъ покрывало, какъ это видно изъ самаго Корана. Гаремное затворничество женщинъ, отнятіе у нихъ всякой свободы, лишеніе всякаго доступа въ общество, суть продукты мусульманства; прежде него Аравія не знала такого униженія женщины. До Магомета женщины пользовались уваженіемъ среди арабовъ. Поэтъ Антаръ убилъ раба за то, что онъ не имѣлъ уваженія къ арабскимъ женщинамъ, и правитель Зубайръ одобряетъ его. Среди арабовъ до-Магометова времени были женщины очень образованныя, были женщины-поэты, которыя пользовались заслуженною славою между современниками... Примѣръ христіанъ и евреевъ убѣждаетъ насъ, что Аравія не была безнадежно предана въ добычу многоженству настолько, чтобы невозможно было основать и утверждать въ ней единоженства. Потому полигамію можно считать скорѣе дѣломъ удовлетворенія личной страсти Магомета къ чувственнымъ удовольствіямъ. Онъ часто говорилъ о себѣ, что больше всего на свѣтѣ любитъ женщинъ и благовонія. Приближенныя личности къ Магомету тоже замѣтили въ немъ эту господствующую страсть и считали его самымъ страстнымъ человѣкомъ въ мірѣ. Съ другой стороны, можно предполагать, что этой поблажкой чувственности Магометъ хотѣлъ привлечь къ себѣ больше послѣдователей, такъ какъ военные походы давали обильную добычу, состоявшую изъ женщинъ, которыхъ должны были дѣлить между собою поклонники Магомета. Многоженство было причиной сильнаго нравственнаго и правового униженія женскаго пола въ исламѣ... „Арабы-магометане,—говоритъ Клотъ-бей,—болѣе всего злоупотребляютъ правомъ развода. Нѣкоторые изъ нихъ перемѣняютъ женъ не менѣе пятидесяти разъ. Одинъ французскій путешественникъ спросилъ одного араба въ Египтѣ, помнитъ ли онъ Бонапарта? „Какъ же, отвѣчалъ тотъ, я былъ женатъ на семнадцатой женѣ, когда великій человѣкъ посѣтилъ Египетъ". Буркгардъ встрѣчалъ арабовъ, которые въ сорокъ пять лѣтъ были женаты уже на пятидесятой женѣ, на одной послѣ другой... Правда, эта свобода стѣсняется нѣкоторыми

матеріальными препятствіями, именно: по мусульманскому законоположенію, если мужъ разводится съ женою, то мехръ (приданое) ея долженъ поступить въ полную собственность ея; но и здѣсь развратившаяся натура мусульманъ находитъ средство избѣжать этого непріятнаго для чувственности стѣсненія. Мужъ своими побоями и разнаго рода притѣсненіями доводитъ жену свою до того, что она сама предложитъ ему разводъ и чрезъ то лишится своего приданаго... Но исламу показалось еще мало такого стѣсненія жены и лишенія ея всякихъ личныхъ правъ въ пользу мужа,—магометанство лишаетъ жену и естественныхъ и ни у кого неотъемлемыхъ правъ, именно правъ на выраженіе религіознаго чувства. Жена-мусульманка не можетъ исполнять добровольнаго поста, не испросивши на то позволенія отъ своего мужа. Она не можетъ сдѣлать обѣта безъ согласія своего мужа; она даже не можетъ принять присяги безъ воли его... Какое рабство можетъ быть больше этого? Чего еще не достаетъ до полнаго уничтоженія личности жены предъ личностью мужа?... Несвободная сдѣлать ни одного шага безъ согласія мужа, лишенная даже права на проявленіе всякаго религіознаго чувства безъ его воли, жена мусульманина есть полнѣйшая раба мужа и не имѣетъ нисколько человѣческой свободы; личность ея только въ личности мужа; безъ него она—ничто. Вслѣдствіе такихъ обоюдныхъ отношеній супруговъ у мусульманъ составился самый низкій взглядъ на женщину вообще, — взглядъ до того оскорбительный для послѣдней, что по справедливости это служитъ самымъ темнымъ пятномъ для Магомета [1]... Таковы начала и слѣдствія семьи, основанной на исламизмѣ.

Переходя отъ семьи къ обществу, мы встрѣчаемся съ тѣми же невыгодными условіями исламизма,—тѣми сторонами его, которыя препятствуютъ свободному развитію. Въ основаніи общественныхъ отношеній Магометъ положилъ равенство и братство между всѣми правовѣрными мусульманами.

---

[1] Критика различныхъ взглядовъ на положеніе женщины до Магомета и послѣ. Въ соч. Г. Машанова: Мухаммеданскій бракъ и проч. въ «Миссіонерскомъ противомусульм. сборникѣ», изд. при Казан. дух. академ. 1876 г., выпускъ X, стр. 153, 154, 182, 155, 158—160, 162, 164 и проч.

Принципу этому исламизмъ, дѣйствительно, обязанъ своимъ успѣхомъ на востокѣ, потому что магометанская доктрина обѣщала своимъ послѣдователямъ политическое и соціальное равенство [1]. Кто убьетъ своего слугу, тотъ не удостоится царствія [2]. Равенство—прекрасная мысль въ исламизмѣ, или—точнѣе—въ Коранѣ, хотя идея равенства и въ болѣе чистомъ всеобъемлющемъ видѣ давно привнесена христіанствомъ. Но дѣло въ томъ, что въ исламизмѣ, какъ организованномъ религіозно-гражданскомъ учрежденіи, идея равенства и свобода членовъ совершенно парализуется допущеніемъ деспотической власти. Деспотическая власть началась одновременно съ возникновеніемъ исламизма. Магометъ, какъ основатель ислама, былъ и первымъ деспотомъ, когда достигалъ своихъ цѣлей незаконными средствами, хитростью и обманомъ. Преемники Магомета развивали и утвердили деспотизмъ очень прочно на основаніи примѣра и ученія пророка. Спрашивается: могло ли устоять равенство членовъ при деспотической власти, когда общество управляется не нравственными мотивами, но капризами одного лица, всегда эгоистическаго и односторонняго, подверженнаго ошибкамъ и страстямъ? Не думаемъ. Мы, поэтому, не можемъ согласиться съ мыслію историка Лоренца относительно обѣщаемаго исламизмомъ равенства. „Изъ того обстоятельства, говоритъ онъ, что благородные аравитяне безъ ропота повиновались приказаніямъ бывшаго раба (Сеида) явствуетъ, что исламъ могъ бы уничтожить различіе между сословіями и фамиліями" (Сеидъ начальствовалъ надъ войскомъ въ походѣ противъ грековъ въ 629 г. [1]. Но много ли такихъ фактовъ, чтобы вывести отсюда рѣшительное заключеніе? Съ другой стороны, Сеидъ былъ въ особыхъ близкихъ отношеніяхъ къ Магомету; эти отношенія возвысили новаго и храбраго раба. Что касается до повиновенія благородныхъ аравитянъ приказаніямъ бывшаго раба, то здѣсь не видно ничего такого, что благопріятствовало бы мнимо одушевлявшей арабовъ идеѣ равенства: общая неминуемая опасность производитъ во всѣхъ инстинктивное чувство равенства. Во время опасности забываются

---

[1] Гар. и невольнич. Османъ-Бея. «От. Зап.» 1873 г. 336—7.

[2] Всеобщ. истор. Лоренца II т. 305 стр.

фамильные ранги и счеты. Исторія ясно говоритъ, что благородные аравитяне во время войны съ греками именно находились въ очень опасномъ положеніи. Съ какой стати въ это время роптать противъ приказаній бывшаго раба, когда отъ него могъ зависѣть благополучный исходъ дѣла? Ропотъ въ этомъ случаѣ неумѣстенъ и повиновеніе могло происходить совершенно изъ чувства самосохраненія, т. е. побужденій эгоистическаго свойства.

Итакъ исламизмъ допущеніемъ деспотической власти парализовалъ идею равенства. Отсутствіе равноправности членовъ мы, дѣйствительно, и замѣчаемъ въ дальнѣйшемъ развитіи деспотической власти [1]. Нѣтъ сомнѣнія, что деспотизмъ былъ одною изъ главныхъ причинъ застоя и неподвижности магометанскихъ обществъ. Общественный застой въ исламизмѣ усиливается еще потому, что духовная власть здѣсь смѣшивается, какъ напр. въ современной Турціи, съ свѣтскою. Насколько это смѣшеніе содѣйствовало усиленію правъ преемниковъ Магомета, настолько оно препятствовало развитію гражданской и религіозно-нравственной сферъ. „Достаточно, говоритъ Кольбъ, смѣшенія религіи и государства для того, чтобы послѣднее лишилось возможности къ дальнѣйшему развитію [2]“. Впрочемъ магометане не особенно и хлопочатъ о развитіи; они успокоиваютъ себя тѣмъ, что считаютъ свою религію за высшій идеалъ развитія и образованности [3]. И дѣйствительно, магометане обращаютъ вниманіе на внѣшнюю сторону дѣла—это распространеніе ислама; развитіе нравственно-общественныхъ отношеній—дѣло второстепенное. Бойцы за вѣру, они не должны были успокоиться отъ военныхъ занятій и дѣлаться осѣдлыми, а, напротивъ, во всякое время быть готовыми выступить въ походъ [4]. Увлекаемые мыслію о всемірномъ призваніи, магометане развили въ себѣ фанатическій энтузіазмъ, который останется памятенъ въ исторіи. Между тѣмъ вѣротерпимость и истинная любовь къ ближнему, составляющія отли-

---

[1] Въ этомъ мы всего лучше убѣждаемся тѣмъ, что исламизмъ допустилъ и освятилъ невольничество, какъ необходимое постановленіе для безопасности государства. Османъ-Бея. «От. Зап.» фев. 1874 г.

[2] Истор. челов. культур. II, т. 122 стр.

[3] Всемір. истор. Шлоссера V т. 37.

[4] Истор. Культур. Кольба II т. 131

чительный характеръ христіанской религіи, принадлежатъ къ числу самыхъ благодѣтельныхъ слѣдствій возрастающаго просвѣщенія [1]. Конечно, исламизмъ чуждъ этихъ цивилизующихъ началъ. Послѣ этого, мыслимо ли, чтобы исламизмъ могъ сдѣлаться общечеловѣческою религіей,— исламизмъ, самъ чуждый человѣчности. Вмѣсто того, чтобы сблизить, объединить людей, исламизмъ, самъ того не замѣчая, отдѣлился отъ остального человѣчества. Внушая ненависть ко всѣмъ противникамъ Магомета, исламизмъ поселяетъ вражду между своими послѣдователями, не уничтоживши совершенно варварскій обычай кровавой мести. Обычай этотъ, напоминающій первобытное естественное состояніе человѣка, существуетъ и въ настоящее время [2]. Какая при этомъ можетъ быть нравственность, понятно само собою. Самая нравственная дѣятельность въ исламизмѣ не имѣетъ опредѣленнаго принципа. Изъ дѣйствій Магомета и его послѣдователей ясно видно, что можно поступать такъ, или иначе, лишь бы достигалась цѣль. Нравственное ученіе исламизма носитъ характеръ чувственный, сообразный съ мѣстными представленіями о настоящей и загробной жизни. Чувственная сторона исламизма возобладала надъ послѣдователями Магомета и тѣмъ самымъ помѣшала развитію чисто-духовныхъ интересовъ [3]. Развитію духовныхъ интересовъ исламизмъ мѣшалъ положительно еще тѣмъ, что, для избѣжанія и идолопоклонства, запретилъ дѣлать изображенія живыхъ существъ. Отсюда — задержка свободнаго развитія духа. Стѣсненіемъ искусства исламизмъ уничтожилъ главное средство облагороженія духа и возможность возвыситься до нравственной свободы и самостоятельности [4]. Такимъ образомъ исламизмъ, избѣгая одной крайности, впалъ въ другую [5], лишивши своихъ послѣдователей возможности къ самостоятельному художественному творчеству. Повелѣніе, сохранившееся только въ преданіи, по ко-

---

[1] Сочин. Грановскаго I т. 172 стр.

[2] Отсутствіе чисто-нравственныхъ побужденій просвѣчивается въ въ такихъ, повидимому, свѣтлыхъ чертахъ исламизма, какъ въ обязанностяхъ о гостепріимствѣ и милостынѣ. Dölling. стр. 56.

[3] Dölling 7—8.

[4] Всеміp. истор. Шлоссера т. V.

[5] Dölling. 60.

торому не дозволялось изготовлять изображенія живыхъ существъ, исполняется строго и по нынѣ, чѣмъ и опредѣляется въ высшей степени своеобразный характеръ мусульманской архитектуры. Фотографія начала, однако, съ недавняго времени, распространяться среди мусульманъ, отчасти нарушая предписаніе пророка.

Развитію самостоятельной критической дѣятельности препятствуетъ такъ называемый фатализмъ, или ученіе о безусловномъ предопредѣленіи. Ученіе это состоитъ въ томъ, что судьба каждаго человѣка до малѣйшихъ подробностей зависитъ отъ вѣчныхъ опредѣленій Бога. Человѣкъ, поэтому, дѣйствуетъ такъ, какъ предписано ему, выражаясь словами магометанъ, въ предвѣчной книгѣ. Ученіе это проникаетъ въ существо послѣдователей пророка, возбуждая въ нихъ апатію и животное равнодушіе ко всему, съ ними и вокругъ нихъ совершающемуся [1].

Такой пассивный взглядъ на совершающіяся вокругъ событія велъ къ самымъ печальнымъ слѣдствіямъ. Вѣра въ предопредѣленіе доходила до того, что магометане равнодушны были во время чумы и пожаровъ. Вмѣсто того, чтобы энергически бороться съ препятствіями и тѣмъ самымъ развивать самодѣятельность, поклонники исламизма слѣпо подчинялись всѣмъ случайностямъ въ той мысли, что все это воля неба (das ist so ausschrieben“). Такъ какъ фатализмъ въ дальнѣйшемъ развитіи дошелъ до того, что приписывалъ Богу добро и зло, то въ этомъ можно отчасти видѣть одну изъ причинъ глубокаго нравственнаго и политическаго паденія магометанскихъ націй [2].

Все, что сказано нами объ исламизмѣ, не могло содѣйствовать плодотворному и самостоятельному развитію. Есть основаніе сказать больше: нравственныя и соціальныя начала исламизма вредно дѣйствовали на ходъ развитія народовъ. Вредное задерживающее вліяніе магометанскихъ началъ ясно бросается въ глаза при характеристикѣ обществъ, существовавшихъ и существующихъ на началахъ

---

[1] Безусловная вѣра въ фатализмъ вошла между магометанами въ пословицу. «Has'a Mektub»! говоритъ арабъ-магометанинъ во время несчастья,—т. е. такъ написано.

[2] Dölling. 53.

исламизма. Что это были за общества? Если обращать вниманіе на внѣшнюю сторону дѣла, на блескъ правителей, на покровительство послѣдними ученымъ и поэтамъ, которые изъ подобострастія и лести превозносили мудрость своихъ покровителей, то весьма естественно, что государства магометанскія покажутся благоденствующими, цвѣтущими. Но внѣшняя сторона еще ничего не говоритъ о внутренней силѣ, живучести и производительности. И этихъ качествъ, обусловливающихъ прогрессивное движеніе общества, такъ мало въ тѣхъ націяхъ, которыя приняли и усвоили исламъ. Полигамія, полицейская деспотическая власть, смѣшеніе области государственной съ духовною, вѣра въ фатализмъ— все это дѣйствовало подавляющимъ образомъ на жизнь магометанскихъ народовъ [1].

Исламизмъ соединилъ народы физическою силою, слѣдовательно насильственною. Повидимому, онъ долженъ былъ объединить собою разноплеменность и пестроту своихъ подданныхъ. Но такъ какъ исламизмъ не побуждалъ человѣка къ внутреннему саморазвитію, а устремлялъ его взоры ко внѣ, ко внѣшнему преобладанію и завоеванію [2], то магометане, увлеченные этою стороною, чужды были стремленій и побужденій къ внутреннему благоустройству и упорядоченію общества. Въ этомъ заключается громадная и существенная ошибка исламизма и причина непрочности и безжизненности основанныхъ исламизмомъ государствъ.

Причина быстраго паденія арабскихъ государствъ заключается, по замѣчанію одного историка, въ томъ, что государства эти представляли ничто иное, какъ хищническій народъ. Свойство это, характеризующее дикихъ животныхъ, исламизмъ не только не сдерживалъ, но, какъ извѣстно, пробуждалъ и освящалъ. Понятно отсюда, что развитіе плодотворной и самостоятельной культуры было немыслимо. Отличительные признаки магометанскихъ народовъ—это не-

---

[1] Ibid. S. 23—24, 43, 47—49, 63—64, 53.

[2] Dölling. Relig. Muham. 16. Достойны замѣчанія слѣдующія слова, характеризующія собою направленіе и идею исламизма: «Господи! Сказалъ одинъ полководецъ (Окба): будь свидѣтелемъ», что я не могу идти далѣе; но если бы море не помѣшало мнѣ, я не остановился бы до тѣхъ поръ, пока не принудилъ бы всѣ народы земли признать твои заповѣди. Шлоссеръ, T. V, 71 стр.

постоянство и возмущеніе, что, конечно, не гармонировало съ условіями, обезпечивающими успѣхъ развитія [1]. Благодаря этой ненасытимой жаждѣ къ пріобрѣтенію новыхъ послѣдователей, исламизмъ, проникъ во многіе народы. Судя потому, сколько исламизмъ захватилъ территорій и народовъ, можно бы ожидать отъ него чего-либо положительнаго, великаго.

Но если мы зададимся вопросомъ: что привнесъ исламизмъ новаго, облагораживающаго духъ и нравы народовъ, то должны, къ сожалѣнію, сознаться, что онъ не удовлетворяетъ самымъ скромнымъ ожиданіямъ. Значеніе исламизма между его послѣдователями состоитъ въ утвержденіи единобожія и уничтоженіи идолопоклонства [2], хотя эта идея не обязана генію Магомета. Свѣтлыя, повидимому, стороны исламизма парализованы противоположными постановленіями; обѣщанія его невыполнены. Въ чемъ же сила исламизма? Сила его, говоритъ Дёллингеръ, заключается въ разрушеніи и уничтоженіи, а не въ производительности [3]. Исторія какъ нельзя лучше подтверждаетъ эту мысль. „Въ теченіе 80 лѣтъ (т. е. во время первыхъ успѣховъ) исламизмъ разрушилъ болѣе, чѣмъ сколько создалъ въ періодъ своего XII вѣковаго историческаго существованія“ [4]. Да и можно ли ожидать чего-либо производительнаго отъ поклонниковъ исламизма, пропитанныхъ завоевательными, или—что почти тоже—разрушительными идеями? Вѣрные этому религіозному направленію, магометане жили во-внѣ, чужды глубокомыслія. Не изъ чего, говоритъ Лоренцъ, такъ не виденъ недостатокъ глубокомыслія въ исламизмѣ, какъ изъ сравненія съ вліяніемъ, какое произвело у христіанъ въ подобномъ же случаѣ изученіе философіи Аристотеля [5]. Но лучше всего въ этомъ можно убѣдиться при нѣкоторомъ даже знакомствѣ съ религіозными спорами, порожденными исламизмомъ. Конечно, и христіанство породило множество сектъ религіозныхъ; но дѣло въ томъ, что христіанскія секты въ большинствѣ случаевъ затрогивали важные вопросы религіи и нрав-

---

[1] Dölling. s. 142.

[2] Всемір. истор. Шлоссера Т. V.

[3] Dölling, Muham. Relig. 93—4.

[4] Ibid. 142.

[5] Всемір. истор. Лоренцъ.

ственности, слѣдовательно имѣли серьезный жизненный интересъ; онѣ давали много пищи уму и содѣйствовали развитію. Плодомъ религіозныхъ христіанскихъ споровъ явилась богословская систематическая наука. Не то видимъ въ исламизмѣ. Такъ какъ деспотизмъ стѣснялъ самостоятельное проявленіе личнаго мнѣнія, то однообразіе и застой науки, доходящіе до механизма, являлись неизбѣжными слѣдствіями. Предметы религіозныхъ споровъ были слишкомъ мелочны и даже смѣшны. Такъ, одна магометанская секта (Dsgulakis), путемъ какихъ-то глубокомысленныхъ соображеній, дошла до того, что говорила, будто бы знаетъ число и форму членовъ и цвѣтъ волосъ въ Богѣ [1]. До чего можетъ дойти скудость мысли!..

Итакъ отсутствіе образовательныхъ началъ въ исламизмѣ ясно отразилось и отражается на жизни его послѣдователей. Съ одной стороны фанатизмъ возбуждалъ въ магометанахъ нетерпимость ко всѣмъ людямъ, — съ другой — въ самыхъ магометанахъ поддерживаетъ преданность къ своей религіи, что и дѣлаетъ ихъ исключительными, изолированными отъ общеевропейскаго образованія. И чѣмъ далѣе исламизмъ будетъ слѣдовать своему фанатическому, традиціонному и чувственному началу, тѣмъ болѣе онъ будетъ удаляться отъ остальнаго человѣчества. „Исторія отмѣтила эту религію печатію осужденія: страны нѣкогда цвѣтущія и обитатели этихъ странъ, гдѣ царствуетъ исламизмъ, теперь пали до послѣдней крайности и внимательное изученіе показываетъ, что именно исламизмъ былъ причиною медленной гибели и паденія цѣлыхъ народовъ и довелъ эти страны до такого безотраднаго положенія. Въ настоящее время нельзя сказать ни объ одной странѣ, находящейся подъ владычествомъ мусульманъ, что она отличается цвѣтущимъ положеніемъ. Въ Халдеѣ, въ странахъ между Тигромъ и Евфратомъ, теперь—все пустыня, все безлюдно; земледѣлія мало, городовъ мало, да и тѣ въ жалкомъ положеніи; селъ нѣтъ; люди блуждаютъ, не зная о своихъ предкахъ и съ каждымъ днемъ все ближе и ближе къ состоянію дикарей. Въ Персіи города, прежде многолюдные и великолѣпные, доведены до нищеты и безлюдія дур-

[1] Dölling. 93.

нымъ деспотическимъ правленіемъ, и въ настоящее время голодъ истребляетъ тамъ тысячи человѣческихъ жертвъ. Въ окружности Алеппо, въ началѣ XVIII стол. считалось около 300 деревень; а въ концѣ того же столѣтія число деревень уменьшилось до 12. Въ одномъ округѣ (Месопотаміи) прежде считалось 1,600 деревень, а теперь не болѣе 500. Нѣкоторыя мѣстности въ Персіи совершенно одичали [1]. Такъ исламизмъ вліялъ на народы не только не производительно, но совсѣмъ разрушительно.

Идя такимъ образомъ въ разрѣзъ съ истинными общечеловѣческими условіями просвѣщенія, вредно вліяя на своихъ послѣдователей, исламизмъ тѣмъ самымъ являлся и является силою, противодѣйствующею христіанству. Съ именемъ послѣдняго соединяется все то, что носитъ признаки величія, живучести и безконечнаго развитія.

Дѣйствуя на убѣжденія человѣка, христіанство шло и идетъ мирнымъ потокомъ, увлекающимъ сердца людей. И эту-то цивилизующую и гуманизирующую силу, пережившую самыя бурныя времена и восторжествовавшую надъ всевозможными невѣроятными препятствіями, думалъ затмить собою исламизмъ? Хотя этого исламизму не удалось, однако онъ много препятствовалъ и препятствуетъ успѣхамъ христіанства. Такое отношеніе исламизма къ христіанской религіи неизбѣжно предполагается и фактически доказывается. По духу и характеру своего ученія исламизмъ есть діаметрально противоположная сила съ христіанствомъ, какъ противоположны между собою чувственность и духовность, фанатизмъ и убѣжденіе, самонадѣянность и смиреніе, впечатлѣніе и самосознаніе.

Если христіанство представляетъ изъ себя самостоятельную, стройную и во всемъ между собою согласную (въ цѣломъ и частяхъ) жизненную, плодотворную, идеальную систему вѣроученія и нравственной дѣятельности, то исламизмъ, напротивъ, не можетъ быть названъ ученіемъ обдуманнымъ и стройнымъ; это есть неудачная, неполная и противорѣчивая смѣсь ученія изъ религіи христіанской, іудейской и арабскаго язычества; исламизмъ,—плодъ религіознаго болѣзненнаго мечтанія, хитраго обманщика и лице-

---

[1] «Правосл. Обозрѣн.» 1872 г.; 147—154 и 155.

мѣра; — невысокаго достоинства самъ по себѣ, исламизмъ подвергся искаженію со стороны послѣдователей. Коранъ — первая священная книга магометанамъ — заключаетъ въ себѣ, по словамъ архим. Израиля, мысли въ лирическомъ безпорядкѣ набросанныя и почти въ каждой главѣ одними и тѣми же словами повторяемыя, — мысли догматическаго, нравственнаго, историческаго и обрядоваго содержанія, которыя всѣ безъ логики и искусства заимствованы частію изъ ветхаго и новаго Завѣта, частію изъ подложныхъ евангелій и талмуда, частію изъ древней арабской религіи [1].

Враждебное отношеніе исламизма къ христіанству, выходящее изъ самаго духа его, было отличительною чертою послѣдователей Магомета. Достаточно бѣглаго взгляда на исторію, чтобы убѣдиться въ этомъ. Церковь христіанская терпѣла много зла отъ магометанъ. Сколько пало христіанскихъ обществъ жертвою фанатическихъ послѣдователей исламизма! Многіе христіанскіе храмы совершенно были разрушены, другіе обращены въ стойла. Христіанамъ не позволялось строить новыхъ храмовъ; находясь въ подданствѣ у магометанъ, они должны были платить подати. Случалось, что отъ податей не свободны были и монахи — аскеты и пустынники, которые, будучи людьми „не отъ міра сего", ничего, конечно, не имѣли. Тѣснимые монахи, принуждены были продавать или отдавать въ залогъ священные сосуды, чтобы удовлетворить алчности жестокихъ магометанскихъ правителей. Изъ опасенія заговоровъ послѣдніе запрещали христіанамъ отправлять богослуженіе и созывать собранія; не дозволяли имъ говорить о своей вѣрѣ, или учить дѣтей своихъ другой грамотѣ, кромѣ арабской, съ тою цѣлью, дабы христіане восточные не сроднились съ греческимъ языкомъ [2]. Поэтому, православные восточные христіане вынуждены были перевести нѣкоторыя книги на арабскій языкъ. Вообще въ своихъ отношеніяхъ къ христіанамъ магометане до буквальности усвоили прямое правило Корана — производить рѣзню между невѣрными [3]. „Мы должны, говоритъ Омаръ, поѣдать христіанъ, и наши по-

---

[1] А. Израиль. Обозр. ложныхъ религій. 1849 г.

[2] Истор. іерусалимскаго храма. Т. I. 333.

[3] Коранъ Магомет. 47 т. 4 стр.

томки должны поѣдать ихъ потомковъ до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать исламъ" [1]. Слова эти могутъ служить характерною чертою большинства магометанскихъ правителей въ ихъ отношеніяхъ въ христіанамъ. „Свѣтъ Евангелія", говоритъ Веберъ, разливавшійся въ Африкѣ ясною и благотворною теплотою во время Августина (354—430 г.) по всему западу (т. е. западной части Африки), угасъ совершенно, уступая мѣсто вѣрѣ въ Бога Магомета, многоженству и восточному ханжеству" [2]. Тамъ, гдѣ распространялся исламизмъ, христіане терпѣли притѣсненія и даже преслѣдованія [3]. При завоеваніи всѣхъ вообще христіанскихъ странъ, христіанамъ возбранялось всякое распространеніе своей религіи и всякое сопротивленіе при обращеніи въ магометанство. Особенно жестоко обращались съ православными христіанами за ихъ связь съ Констатинополемъ [4]. При завоеваніи святыни испанскихъ христіанъ, мѣстечка Сантъ-Яго-де-Компостелла (994 г.), Альмансуръ разрушилъ его до основанія и сжегъ самую церковь [5]. При такомъ враждебномъ отношеніи къ христіанству исламизмъ естественно препятствовалъ распространенію и внутреннему развитію перваго. Свободное занятіе христіанскою наукою было немыслимо тамъ, гдѣ грозила опасность съ враждебной стороны. Средства къ образованію сдѣлались затруднительными; общеніе христіанскихъ церквей стало рѣже; от-

---

[1] Истор. сред. вѣков. Стасюлев. 482. Авторъ вышедшаго недавно въ свѣтъ сочиненія «Средневѣковые реформаторы (Спб. 1899 г., въ переводѣ Э. Л. Радлова) преувеличиваетъ дѣло, когд а допускаетъ то, что извѣстный схоластикъ ученый В. Абеляръ (1079—1142 гг), преслѣдуемый фанатическими монахами католическими з свои свободныя мнѣнія въ области христіанскаго богословія во Франціи, могъ быть болѣе безопаснымъ въ Испаніи среди сарацынъ-магометанъ, нежели среди своихъ единовѣрцевъ. Если бы П. Абеляръ, дѣйствительно, и переселился къ сарацынамъ въ Испанію и былъ тамъ благосклонно принятъ, то это еще не можетъ свидѣтельствовать о вѣротерпимости испанскихъ магометанъ, которая вытекаетъ изъ сущности и духа религіи, а не изъ случайныхъ отношеній (гостепріимства, знакомства и т. п.).

[2] Всемірн. истор. Вебера Т. II, 89 стр.

[3] Всемірн. истор. Лоренца. Т. II, 498 стр.

[4] «Правосл. Собесѣдн.» 1892 г. Сентябрь. Церк. Истор. Гассе. Т. II стр. 25—26.

[5] Всемірн. Истор. Шлоссера Т. V, стр. 124.

сюда недостатокъ свѣдѣній о состояніи и потребностяхъ различныхъ христіанскихъ мѣстностей являлся неизбѣжнымъ слѣдствіемъ стѣсненнаго положенія христіанъ. Состояніе богословской христіанской науки, само по себѣ слабое въ періодъ появленія и распространенія ислама, представляло въ это время нѣкоторый застой. Препятствуя съ внѣшней стороны развитію христіанства, исламизмъ вредно вліялъ на нравственное состояніе людей. Насколько христіанство дѣйствовало облагораживающимъ образомъ, пробуждая въ людяхъ возвышенныя чувства, настолько исламизмъ своимъ фанатизмомъ и чувственностью пораждалъ противоложные, деморализирующіе наклонности и поступки.

Но какъ ни значительны были успѣхи исламизма, какъ ни чувствителенъ его вредъ по отношенію къ христіанству, исламизму, какъ показала исторія, не удалось сдѣлаться преобладающею религіозною формою, способною прогрессировать человѣческое сознаніе. На основаніи внутренняго содержанія исламизма, мы имѣемъ право заключать, что достигнуть этого никогда не удастся религіи Магомета. Если и было значительно вліяніе исламизма въ исторіи христіства, то это вліяніе было внѣшнее, переходное. „Авторитетъ Корана, говоритъ Мелеръ, такъ малъ въ сравненіи съ Евангеліемъ, что онъ самъ себя уничтожаетъ и тѣмъ самымъ уступаетъ мѣсто христіанству. Когда пробудится свободная мысль и будетъ распространяться образованными христіанскими миссіонерами, исламъ уступитъ мѣсто Евангелію“ [1]. Мы согласны съ приведенными мыслями Мелера. Но не можемъ согласится съ тою его мыслію, будто исламизмъ служитъ пользѣ христіанства своею положительною стороною будучи яко бы посредствующею ступенью отъ язычества къ христіанству. По его мнѣнію, ничего нѣтъ страннаго въ томъ, что христіанство доступно не для всякой ступени развитія. „Тѣ народы, говоритъ Мелеръ, которые стоятъ на низшей ступени развитія и принимаютъ христіанство, принимаютъ послѣднее съ внѣшней стороны, близкой къ чувственному іудейству. Какъ всякій, безъ сомнѣнія, рожденный христіанинъ, переживаетъ въ своей жизни разные пе-

---

[1] Dr. Mölers Schriften. Erster. B. S. 387.

ріоды, которымъ соотвѣтствуютъ язычество и іудейство, прежде чѣмъ сдѣлаться по духу истиннымъ храстіаниномъ, такъ возвышаются и народы, переходя отъ язычества къ христіанству“ [1]. Мысли эти опровергаются исторіею и опытомъ. Если, какъ думаетъ Мелеръ, появленіе новой религіи заключаетъ въ себѣ болѣе высшій моментъ въ развитіи религіознаго сознанія человѣчества, соотвѣтственно степени общаго развитія послѣдняго (человѣчества), то, дабы быть послѣдовательнымъ, необходимо допустить, что религія Магомета есть наивысшая по времени своего происхожденія. Но такого послѣдовательнаго постоянно возвышающагося религіознаго сознанія съ появленіемъ новаго религіознаго культа исторія, собственно говоря, не представляетъ. Доказательство—исламизмъ. Онъ явился послѣ христіанства, но кто поставитъ исламизмъ выше божественной религіи Іисуса? Тогда какъ по мысли нашего ученаго за исламизмомъ слѣдовало бы признать то значеніе, что онъ, какъ позднѣйшая религія, долженъ бы заключать болѣе возвышающуюся степень развитія и проясненія религіознаго сознанія. Такого прогресса въ исламизмѣ мы не находимъ. Мы не можемъ признать за исламизмомъ и значенія посредственной религіозной ступени между язычествомъ и христіанствомъ не въ историческомъ только смыслѣ, но и въ философскомъ, т. е. имѣемъ въ виду нравственную сторону исламизма: фанатизмъ, полигамію, отсутствіе человѣчности и проч. По человѣчности, по внушаемой самодѣятельности и нравственной борбѣ съ жизнію буддизмъ стоитъ выше ислама, хотя первый явился гораздо ранѣе [2]. Если бы исламизмъ былъ дѣйствительно подготовляющею религіею къ христіанству, то магометане легко переходили бы къ послѣднему. Что же мы видимъ на самомъ дѣлѣ? Въ принятіи христіанства послѣдователи Магомета гораздо упорнѣе, нежели язычники. Если видѣть въ этомъ неподготовленность магометанъ къ христіанству, то спрашивается, отчего же воспріимчивѣе на зовъ христіанства языческія племена, которыя, по мысли Мелера,

---

[1] Ibid. S. 386—385.

[2] Искусств. въ связи съ общ. развит. культ. и идеалы человѣчества, соч. М. Карьера. Т. I. 357 стр.

имѣютъ меньшую степень развитія религіознаго сознанія въ сравненіи съ магометанами? Намъ скажутъ, что язычники принимаютъ христіанство съ чисто внѣшней стороны. Все это, конечно, возможно. Но ужели обратившійся магометанинъ понимаетъ христіанство духовнѣе и чище язычника, принявшаго ту же религію. Мы незнакомы съ миссіонерскою практикою, чтобы положительно сказать, какая разница въ степени пониманія христіанства тѣмъ и другимъ. Очень жаль, что и Мелеръ не доказываетъ этого для подтвержденія высказанной своей мысли. Вмѣсто доказательствъ Мелеръ умиляется разсказами путешественниковъ о томъ, какъ дѣти внутренней Африки собираются вокругъ марабута (почетная духовная особа у магометанъ) и научаются отъ него вѣрѣ въ Бога, единаго, всемогущаго, вездѣсущаго [1]... Картина эта, конечно, очень привлекательна, но она представится въ другомъ свѣтѣ, если посмотрѣть на нее съ иной, болѣе широкой точки зрѣнія. Подъ вліяніемъ руководящаго марабута эти невинныя дѣти сдѣлаются чуждыми человѣчности фанатиками, ложно самоувѣренными и семейными деспотами.

Дѣлая общее замѣчаніе объ отношеніи исламизма къ христіанству, можно и должно сказать, что исламизмъ препятствовалъ и препятствуетъ развитію христіанства, а на первыхъ порахъ онъ угрожалъ ему если не существованіемъ, то господствомъ въ Европѣ. Но время ясно показало, что христіанство восторжествовало надъ притязаніями ислама—быть религіей міра. И тѣмъ выше торжество это, чѣмъ страшнѣе была противодѣйствующая сила. И если Мелеръ думаетъ видѣть въ исламизмѣ услугу христіанству, то эту услугу можно выводить со стороны чисто отрицательной, но отнюдь не положительной. Т. е. вещи познаются по сравненію; истина выясняется тѣмъ очевиднѣе и легче, чѣмъ болѣе оказываются несостоятельными существующія противъ нея нападенія и отрицанія. Этимъ мы хотимъ сказать то, что насколько бросается въ глаза непроизводительность исламизма, настолько яснѣе представляется творческая сила христіанства.

Но если исламизмъ самъ по себѣ, по своему внутрен-

---

[1] Dr. Mölers. Schr. 386—387.

нему содержанію не могъ содѣйствовать развитію человѣчества, если онъ, такимъ образомъ, не имѣетъ положительнаго значенія въ исторіи, то нельзя не приписать исламизму посредственнаго косвеннаго значенія и вліянія на ходъ средневѣковой образованности. На это косвенное значеніе исламизма мы въ своемъ мѣстѣ отчасти уже указали, но оно требуетъ болѣе яснаго и опредѣленнаго пополненія.

Извѣстно, что исламизмъ соединилъ арабовъ въ одинъ народъ и вдохнулъ въ нихъ идею высшаго призванія. Объединеніе арабовъ и религіозное воодушевленіе, какъ руководящія силы, выдвинули арабовъ на сцену всемірной исторіи. Появленіе арабовъ и утвержденіе ихъ въ главныхъ пунктахъ упадавшей образованности имѣло большое значеніе для послѣдней. Состояніе тогдашней образованности было въ большомъ упадкѣ. Этотъ упадокъ зависѣлъ отъ внѣшнихъ и внутреннихъ причинъ. На Римъ и Византію нападали враждебныя племена. Болгарскія и славянскія полчища завоевали земли при Гемѣ, утвердились въ Мизіи и Македоніи и загубили въ Греціи и Пелопонесѣ послѣдніе остатки эллинской образованности... Исчезли даже названія областей и городовъ, и мракъ варварства водворился въ пріютахъ древней образованности и гуманизма. Нравственное состояніе умовъ тогдашняго общества неспособно было къ серьезнымъ занятіямъ. Распущенность тогдашняго двора вскорѣ угасили тотъ блескъ, который данъ былъ имперіи Юстиніаномъ. Внутренніе раздоры, борьба партій и религіозныхъ споровъ сопровождались жестокостью и убійствами [1]... Поэтому, энергическаго и плодотворнаго занятія науками не могло быть. Для серьезнаго занятія требовались новыя свѣжія силы. Этому условію могли удовлетворить арабы, способные и воспріимчивые въ пору нравственнаго воодушевленія, пока не испытали вредныхъ послѣдствій фанатизма и чувственности ислама. Итакъ арабы, движимые исламизмомъ, явились на сцену исторіи въ такое именно время, когда современная наука требовала новыхъ силъ. Арабы дѣйствительно серьезно и занялись науками.

Конечно, исламизмъ былъ, какъ мы видѣли, самъ по

---

[1] Всемірн. истор. Вебера, т. II; 72.

себѣ слабымъ источникомъ умственнаго образованія. Это ясно можно видѣть изъ существующаго механизма, „въ кругу котораго съ самаго начала заключено было богословское образованіе и находящееся съ нимъ въ связи законовѣдѣніе аравитянъ; все это было до того наполнено матеріальными и формальными знаніями, что совершенно невозможно было вникнуть въ самую сущность этихъ наукъ (?)“ [1]. Но дѣло въ томъ, что, требованіями отъ своихъ послѣдователей, распространять новую религію, исламизмъ заставилъ, или точнѣе, далъ возможность арабамъ познакомиться съ наукою внѣ узкихъ границъ Корана. И это знакомство не осталось безплоднымъ. Дѣйствительно, магометанскій духъ съ большою охотою и успѣхомъ обратился къ занятіямъ точными науками. Медицина, математика и архитектура, занятыя арабами у византійцевъ, были обработаны ими съ большимъ успѣхомъ. Въ этихъ наукахъ арабы опередили своихъ греческихъ учителей. Ученые арабы пользовались авторитетомъ въ теченіе среднихъ вѣковъ. Однимъ ученымъ были составлены очень точныя астрономическія таблицы, которыя не потеряли еще значенія и въ настоящее время. Большое вліяніе на просвѣщеніе арабовъ, а чрезъ нихъ и на западное образованіе и міросозерцаніе, имѣли сочиненія Аристотеля. Благодаря вдумчивому настроенію арабовъ, сочиненія эти получили отъ нихъ своеобразное толкованіе и переработку. Отъ VIII до XII ст. арабы были образованнымъ народомъ, болѣе развитымъ, чѣмъ остальное большинство [2]. Этимъ они обязаны, конечно, косвеннымъ образомъ исламизму, способствовавшему къ образованію государствъ съ ихъ своеобразною гражданственностію. Не явись исламизмъ посреди арабовъ, послѣдніе остались бы для всемірной исторіи внѣ всякаго вліянія на ходъ ея, какъ оставались они безъ вліянія до появленія ислама. И что сталось бы съ тогдашнею образованностью? Если она, нѣсколько подвинутая впередъ арабами, впослѣдствіи развивалась туго и медленно, то время „возрожденія наукъ“ на Европейскомъ континентѣ отодвинулось бы еще

---

[1] Всеобщ. истор. Лоренца, т. II. 388.

[2] Всеобщ. истор. Лоренца, т. II. 506.

дальше. Неудивительно, поэтому, что современное состоянiе нѣкоторыхъ наукъ стояло бы нѣсколько ниже.

Не всѣми, впрочемъ, изслѣдователями раздѣляется высказанный взглядъ на значенiе исламизма въ дѣлѣ возбужденiя и развитiя европейской мысли въ средне-вѣковой перiодъ исторiи; положительное значенiе ислама въ этомъ отношенiи, какъ и во многомъ другомъ, оспаривается и ослабляется справедливо; къ ослабленiю научной роли исламизма въ прошломъ побуждаютъ современныя наблюденiя надъ состоянiемъ культурными задатками и цензомъ послѣдователей Магомета. По словамъ Э. Ренана, современная слабость мусульманскихъ странъ очевидна каждому, кто сколько-нибудь знакомъ съ положенiемъ дѣлъ; совершенно очевидны упадокъ тѣхъ государствъ, гдѣ царитъ исламъ, интеллектуальное ничтожество тѣхъ племенъ, которыя обязаны своей культурой и образованiемъ исключительно этой религiи. Всѣхъ, кто бывалъ на востокѣ или въ Африкѣ, поражала какая-то неизбѣжная ограниченность каждаго правовѣрнаго: точно желѣзные тиски стягиваютъ ему голову и дѣлаютъ его совершенно неспособнымъ къ наукѣ, неспособнымъ выучиться чему бы то ни было, воспринять какую бы то ни было новую идею Мусульманскiй ребенокъ, иногда и не безъ способностей, около десятилѣтняго или двѣнадцатилѣтняго возраста, въ эпоху своего религiознаго обученiя; вдругъ становится фанатикомъ; имъ овладѣваетъ глупая гордость; онъ думаетъ, что позналъ абсолютную истину и радуется, какъ нѣкоторой привилегiи, тому, что именно составляетъ его слабость. Эта безумная гордость—коренной недостатокъ всякаго мусульманива. Кажущаяся простота его культа внушаетъ ему ничѣмъ не оправдываемое презрѣнiе къ другимъ религiямъ. Убѣжденный, что Богъ посылаетъ богатство и власть, кому вздумаетъ, не принимая въ расчетъ ни образованiя, ни личныхъ заслугъ, мусульманинъ питаетъ глубочайшее презрѣнiе къ образованiю, къ наукѣ—словомъ ко всему, изъ чего слагается умъ европейца.

Честь великаго научнаго движенiя принадлежитъ всецѣло парсистамъ, христiанамъ, евреямъ и гарранцамъ и измаелитамъ, т. е. мусульманамъ, въ глубинѣ души возставшимъ противъ своей религiи.

Тотъ же ученый весьма сомнѣвается въ существованiи

арабской науки, пріурочиваемой къ періоду 775—1250 гг. Что въ этой наукѣ, называемой арабской, дѣйствительно арабскаго, спрашиваетъ Ренанъ? и отвѣчаетъ: „языкъ, только языкъ". Мусульманскія завоеванія распространили языкъ Геджаса.

Таковы были слѣдствія, внѣшнимъ импульсомъ которыхъ явился исламизмъ. При своемъ долговременномъ существованіи исламизмъ имѣлъ большое вліяніе на ходъ исторіи. Хотя это вліяніе исламизма внѣшнее, но оно сопровождалось и кончалось иногда очень важными результатами. Довольно бѣглаго взгляда на историческія судьбы, чтобы видѣть то, какъ подъ вліяніемъ исламизма видоизмѣнялась историческая сцена дѣйствій и принимала разнообразные оттѣнки и направленія. Въ ряду событій средневѣковой Европы самое видное мѣсто занимаютъ, безъ сомнѣнія, крестовые походы. Происхожденіемъ своимъ эти походы обязаны вліянію исламизма. Стѣсненное положеніе восточныхъ христіанъ подъ гнетомъ ислама вызвало въ европейскомъ населеніи общую реакцію, какъ противовѣсъ жестокости и фанатизму магометанъ [1]. Важные результаты крестовыхъ походовъ слишкомъ извѣстны, чтобы ихъ здѣсь повторять [2]. Со времени утвержденія своего въ Африкѣ, Азіи и Европѣ до самыхъ послѣднихъ годовъ исламизмъ былъ грозною силою, съ которою Европа мѣрилась, побѣждала ее и уступала иногда часть изъ своихъ владѣній. Все это такъ или иначе вліяло на ходъ исторіи. Вліяніе это замѣтить не трудно. Съ тѣхъ поръ какъ исламизмъ сдѣлался очень силенъ, Европа, прежде разъединенная, начала волей-неволей сближаться между собою для отраженія общаго врага. Чѣмъ наступательнѣе было движеніе исламизма, тѣмъ чаще повторялось это сближеніе. Эти внѣшніе толчки со стороны исламизма оказывали свое дѣйствіе на нравственное состояніе людей, возбуждая дремлющія силы къ самозащитѣ, слѣд. самодѣятельности. Поэтому, нельзя не согласиться съ мыслію Деллингера, который видитъ въ исламизмѣ, между прочимъ, средство — наказать свободныя націи за ихъ нравственную испорченность и не допустить ихъ до нравственной спячки [3].

Итакъ мы, насколько возможно, сказали о слѣдствіяхъ,

[1] Всемірн. истор. Лоренца, т. II, отд. 3.

[2] Всемірн. истор. Лоренца т. II. отд. 2, 244.

[3] Dölling, 141.

непосредственно и посредственно вытекающихъ изъ исламизма, какъ исторической силы. Внутреннее содержаніе исламизма не могло содѣйствовать общечеловѣческому развитію, вредно вліяло на его послѣдователей, препятствовало развитію христіанства. Косвенныя послѣдствія хотя принесли свою долю добра, но они не могутъ вознаградить собою того вреда, который неизбѣжно приписывается исламизму въ его историческомъ и современномъ смыслѣ. Все это даетъ намъ основаніе думать, что исламизмъ имѣетъ въ исторіи отрицательное не цивилизующее значеніе.

Такимъ образомъ мы можемъ смотрѣть на исламизмъ, какъ на неудачную попытку для преобразованія человѣчества,—попытку, которая была иллюзіей не одной личности, но цѣлаго народа. И не смотря на свою слабость, эта попытка изъ личнаго убѣжденія сдѣлалась историческою силою. Сила эта охватила политическую и нравственную жизнь народовъ; эта сила проникла во всѣ отношенія и пружины жизни магометанъ. Слабыя съ объективной точки зрѣнія стороны исламизма благопріятствовали распространенію его потому, что эти самыя стороны, къ которымъ неразвитой человѣкъ болѣе расположенъ, составляютъ самую привлекательную, многообѣщающую суть исламизма. Эти, манящія, но въ тоже время гибельныя стороны и благопріятныя внѣшнія обстоятельства произвели успѣхъ исламизма. Но какъ бы то ни было, многовѣковое существованіе исламизма, какъ и всего замѣчательнаго, нужно, по словамъ Деллингера, приписать попущенію Провидѣнія. Сказать послѣднее слово о роли исламизма въ исторіи нельзя потому, что онъ не есть совершившійся фактъ, но явленіе современно-существующее. Окончательное завершеніе и послѣднее слово о роли исламизма принадлежитъ неизвѣстному будущему [1].

Конечно, будущее—тайна но и о таинственномъ будущемъ можно составлять основательныя предположенія по указаніямъ откровенія, требованіямъ разума и опытамъ исторіи. Такъ какъ истинная религія, какъ богооткровенная, есть только единственно христіанская, то всякая другая религія ложна, слѣдовательно ложенъ и исламизмъ; здравыя требованія разума не могутъ мириться ни съ идеаломъ исламизма,

---

[1] Dölling, 140—141.

ни съ тѣмъ строемъ его, послѣдовательно развившимся въ сознаніи и жизни исповѣдниковъ Магомета; если исламизмъ не измѣнитъ сущности своего ученія и того способа распространенія, фанатическаго и враждебноразрушительнаго, какимъ онъ заявлялъ себя прежде и теперь заявляетъ, то отъ ученія магометанскаго нельзя ожидать ничего, что есть возвышенно-благороднаго и прочнаго въ жизни и дѣятельности человѣка; исламизмъ готовъ снова подвергнуть ужасамъ и опустошенію Европу, если бы не чувствовалъ слабость за собою и несравненнаго превосходства за христіанскими странами. По взгляду Влад. Соловьева, согласному съ вышеприведеннымъ мнѣніемъ Мелера, идея прогресса, какъ и самый фактъ его, остаются чужды магометанскимъ народамъ; ихъ культура сохраняетъ чисто-мѣстный спеціальный характеръ и быстро отцвѣтаетъ безъ преемственнаго развитія. Міръ ислама не произвелъ универсальныхъ геніевъ; онъ не далъ и не могъ дать человѣчеству вождей на пути къ совершенству; тѣмъ не менѣе религія Магомета еще имѣетъ будущность; она еще будетъ если не развиваться, то распространяться; постоянные успѣхи ислама среди народовъ мало воспріимчивыхъ къ христіанству—въ Индіи, Китаѣ, Средней Африкѣ—показываютъ, что духовное молоко Корана еще нужно для человѣчества (?). Что касается до быстраго и широкаго распространенія магометанства, то въ достовѣрности сего нельзя сомнѣваться, хотя фактъ внѣшнихъ успѣховъ ислама не свидѣтельствуетъ еще о внутреней силѣ его; но весьма сомнительною представляется польза отъ принятія ислама восточными народами; не этою ли недоброкачественною пищею отравляется внутреній духовный міръ поклонниковъ Магомета до трудности и даже невозможности исправленія и возстановленія, какъ это замѣчаютъ и удостовѣряютъ глубокіе и безпристрастные изслѣдователи Востока, ученые путешественники и нѣкоторые изъ магометанъ, получавшіе европейское образованіе и могущіе сравнить и оцѣнить сущность, духъ и вліяніе религіи христіанской и магометанства на жизнь и убѣжденія общества и отдѣльныхъ лицъ?..[1].

Свящ. А. Синайскій.

[1] Влад. Соловьевъ. Магометъ. 1896 г. Энциклопед. словарь Брокгауза. т. XIII. 1894 г. Стр. 384—97.

2007042106